

Подлжит возврату во
II часть ОС ЦК ВКП(б).

Пролстари всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков).
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

№ ПЗ465

21 февраля 1937 г.

ЧЛЕНАМ и КАНДИДАТАМ ЦК ВКП(б).

Тов. Сталину.

По поручению т. Сталина посылаются Вам для ознакомления
к пункту 1-му порядка дня Пленума ЦК ВКП(б) письмо т. Н. Бу-
харина от 20.П.37г. в Политбюро ЦК ВКП(б) и его заявление
всем членам Пленума ЦК ВКП(б) - (1 и II части).

Приложение: экз. № 14 на 80 листах.

ЗАВ.ОС ЦК

А. Боскрейнев

20.11.37г.

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б).

Дорогие товарищи!

Пленуму ЦК я послал "Заявление" почти на 100 страниц, из двух частей, с ответом на тучу клевет, содержащихся в показаниях. Я в течение очень короткого срока должен был проделать эту работу, и она поэтому не претендует на полноту. Но она дает отпор грязному потоку.

Я в результате всего разбит нервно окончательно. Смерть Серго, которого я горячо любил, как родного человека, подкосила последние силы. Положение, в которое поставила меня клевета, когда я не могу ни радоваться вместе с моими товарищами по партии, вместе со всей страной (Пушкинские дни), ни печалиться и скорбеть над телом Серго, есть положение невыносимое, я его больше терпеть не могу.

Я вам еще раз клянусь последним вздохом Ильича, который умер на моих руках, моей горячей любовью к Серго, всем святым для меня, что все эти терроры, вредительства, блоки с троцкистами и т.д. - по отношению ко мне есть подлая клевета, неслыханная.

Жить больше так я не могу. Ответ клеветникам я написал. Притти на Пленум я физически и морально не в состоянии: у меня не ходят ноги, я не способен перенести созданной атмосферы, я не в состоянии говорить, рыдать я не хочу, впасть в истерику или в обморок - тоже, когда свои будут поносить меня на основании клевет. Ответ мой должен быть прочитан, и я прошу вас его распространить. В том положении, когда я, будучи всем сердцем со всеми вами, рассматриваюсь многими уже, как отщепенец и враг, мне остается только:

или быть реабилитированным или сойти со сцены.

В необычайнейшей обстановке я с завтрашнего дня буду голодать полной голодовкой^{х)}, пока с меня не будут сняты обвинения, в измене, вредительстве, терроризме. Жить с такими обвинениями я не буду. Чтобы не было даже видимости борьбы с вами, товарищи, я никому об этом не говорю на-сторону; я поэтому не пишу Пленуму; я поэтому же не прибегаю к другим мерам. Эта голодовка направлена против клеветников. Если их можно передопросить под условием, что они будут беспощадно наказаны за клевету, это было бы хорошо: я то ведь знаю, что здесь (прочитал проект резолюции по докладу т.Ежова) перегнута палка в другую сторону (по отношению ко мне). Я боролся до конца, ни от чего не уклонялся, сносил тяжкие оскорбления, добровольно не выходил из комнаты. Больше не могу. Простите и прощайте. Я горячо желаю вам побед. Я рыдаю о Серго. Я больше не могу.

Просьба моя последняя: сообщите моей жене о решении Пленума по 1-му пункту; дайте мне, если мне суждено итти до конца по скорбному пути, замереть и умереть здесь, никуда меня не перстаскивайте и запретите меня тормозить.

Прощайте.

Побеждайте.

Ваш Н.БУХАРИН.

Р.С. Я убедительно прошу ознакомить членов Пленума с моим подробным (поскольку физически было возможно написать ответ за столь короткий срок) ответом. С деловой точки зрения это лучше неизмеримо, чем реплики. Право я имсю на это бесспорное. Прошу вас, товарищи, сделайте, это, тем более, что я вложил сюда столько последних сил.

х) Уже начал с 12ч.ночи Прим. в 10ч.у.21.П.-37г.

В е р н о :

К.И.Иванов

ЗАЯВЛЕНИЕ т.Н.БУХАРИНАВСЕМ ЧЛЕНАМ ПЛЕНУМА ЦК ВКП(б).

Дорогие товарищи!

Я обращаюсь к вам с настоящим письмом прежде, чем вы будете выносить решение по моему делу. Я вновь подтверждаю, что я абсолютно невиновен в возводимых на меня обвинениях, представляющих злостную и подлейшую клевету. Я в течение многих месяцев подвергаюсь мучительнейшей моральной пытке, меня об"являют соучастником троцкистских преступлений, против меня поднимаются массы, выносятся резолюции самого ужасного свойства, мое имя сделано позорным, меня политически уже убила подлая клевета троцкистов и правых, со мной можно сделать все, что угодно. Но я заявляю всем, что пройдя сквозь строй этих неслыханных мучений, самых страшных, я продолжаю бороться против вредительской клеветы, и никакие силы в мире не заставят меня отказаться от самых резких протестов против этой клеветы.

Значительное количественно число этих клеветнических показаний об"ясняется тем, что при данной общей атмосфере, созданной троцкистскими бандитами, при определенной политической установке, при осведомленности об уже сделанных показаниях, последующие лжесвидетели считают, что им надо показывать примерно то же, и таким образом одно лжепоказание плодится и размножается, и принимает вид многих, т.е. превращается во многие.

Что в тактику троцкистов входило сознательное оклеветание ряда деятелей СССР, это доказано и это признается партруководством:

а) об этом мне было прямо сказано со стороны нашего партруководства,

б) об этом было напечатано в одной из передовиц "Правды". Я должен еще добавить, что в фашистской немецкой ("Фелькишер Beobachter") и итальянской ("Джорнале д'Италия") печати я самостоятельно читал фамилии 1) ряда выдающихся наших военных 2) ряда выдающихся наших дипломатов 3) ряда старых большевиков, причем все эти лица об"являлись замешанными в троцкистских заговорах. С другой стороны, в показаниях Радека (прот.от

4-5-6.ХП.36 г., стр.16 и 17) говорится, что Баум заявил ему, Радеку (осень 1934 г.):

"... Гитлер не верит эмиграции вообще и имеет большие сомнения, выражают ли взгляды госп.Троцкого больше, чем его мысли, когда ему не спится в эмиграции. Удельный вес Троцкого в СССР Берлину неизвестен, и неизвестно, отвечают ли эти взгляды мнению тех кругов в СССР, которые не находят адекватного выражения в политике советского правительства".

И Радек здесь впервые упоминает и о "правых", как, очевидно, входивших в понятие вышеупомянутых "кругов".

Другими словами: "хозяева" - немцы требуют от троцкистов большего "авторитета" и более "широкой базы". Троцкисты заинтересованы прямо и непосредственно в подкрашивании своей "фирмы", и они начинают (или давно начали) создавать миф о том, что с ними идут и другие. Так, вероятно, об"ясняется торговля моим именем, как и именем вышеупомянутых военных дипломатов и др. деятелей СССР. Это нужно было негодяям для увеличения их международного авторитета, для увеличения их шансов в гнусной большой торговле, которую они вели. Понятно, что на меня наклеветать было легче: я был лидером правого уклона.

Во всяком случае можно считать доказанным:

- 1) что троцкисты в числе своих тактических разбойных приемов имели тактику оклеветания честных советских людей,
- 2) что они это делали и с точки зрения дезорганизации сил Советского Союза (вредительство особого рода), и с точки зрения своей "международной" политики.

Таким образом, аргумент, приводившийся на прошлом пленуме тов. Саркисовым, гласивший, что никого не оговорили, и что все так наз. "оговоры" оказывались правдой, покоится на незнании дела и на излишнем доверии к людям (вернее, к зверям), которые этого доверия отнюдь не заслуживают.

В нижеследующем я, располагая, к сожалению, далеко не полным присланным мне материалом, постараюсь отметить те места, которые проливают свет на злобно-вредительский характер направленных против меня обвинений как со стороны троцкистов,

так и со стороны их правых подпевал.

Часть 1

ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКИЕ ЛЖЕСВИДЕТЕЛИ

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И НЕКОТОРЫЕ ЯВНО-ЖУЛЬНИЧЕСКИЕ ПОКАЗАНИЯ РАДЕКА.

Самыми утонченно-хитрыми, маккиавелиевскими и обдуманными подлостями являются показания Радека. Как в своей подлой деятельности на свободе он отлично играл роль, очевидно, своеобразно "вживался" в маскировочную сторону (или половину) своей жизни, так и теперь он с большим искусством играет другую роль, выдумывая про меня целые концепции, ловко пуская в ход отдельные мои обороты речи, вставляя в адски-клеветнические фантазии куски действительности и преподнося читателям его показаний шедевры лжи под покровом правдивости и искренности. Смею надеяться, что эти показания когда-нибудь войдут в исторические хрестоматии, как образец классической клеветы, сотворенной мозгами настоящего ее мастера.

1. Об отношении Радека ко мне, о поведении его на следствии и на суде.

На суде в своей речи Радек, проявляя "искренность" (в "японском" понимании этого термина), говорил:

"Я признаю за собой еще одну вину: я, уже признав свою вину и раскрыв организацию, упорно отказывался давать показания о Бухарине. Я знал: положение Бухарина такое же безнадежное, как и мое, потому что вина у нас, если не юридически, то по существу, была та же самая. Но мы с ним близкие приятели, а интеллектуальная дружба сильнее, чем другие дружбы. Я знал, что Бухарин находится в том же состоянии потрясения, что и я, и я был убежден, что он даст честные показания Советской власти. Я поэтому не хотел приводить его связанного в НКВД" и т.д. (см. отчет "Правды", № 29).

Здесь, для публики выставлена личность Радека, как любителя высокого и прекрасного: выше всего для него — интеллектуальная дружба, — поэтому он "упорно отказывался давать показания о Бухарине".

Но вот мы берем протокол его допроса на следствии, т.е. до суда (протокол допроса от 27-29 дек.1936 г. стр.1 и 2). Здесь нет ни намека на "упорный отказ" в даче показаний, ни намека на "дружбу" с Бухариным. Наоборот, Радек утверждает:

"Пос: ку я твердо решил, ничего не скрывая, передать следственным органам все ... я тем более не заинтересован покрывать правых" (стр.1).

"Я ожидал, что меня будут специально допрашивать о деятельности организации правых и заранее решил рассказать следствию все, что мне известно об этом" (стр.2).

И вот, когда начались вопросы о "правых", Радек моментально вываливает тонны своей паскудной и кровавой клеветы!

За короткий срок от цитируемого допроса до суда оборотистый Радек уже придумал другую версию, ибо она убедительнее звучит для публики и выставляет его, Радека, как сложную личность с тягой к святыне интеллектуальной дружбы. Это, так сказать, верх моральной проституции, подделанной под верх искренности!

2. Казус с Даном.

В конце своего допроса 27-29 дек. (см. проток. стр.24 и 25) Радек утверждает, что, возвратясь из за-границы, я сообщил ему, Радеку, будто бы я, "по поручению центра правых", вошел в связь с Даном; "информировал этого последнего о существовании троцкистско-зиновьевского блока, о существовании организации правых, об их программе и предложил Дану, чтобы ЦК меньшевиков дал инструкции своим наиболее доверенным представителям в СССР войти в контакт с ним - Бухариным, Томским и Рыковым".

Более того, оказывается "Бухарин просил Дана на случай провала "блокистов" в СССР открыть компанию их защиты через П Интернационал. Именно этим и об"ясняется выступление П Интернационала в защиту первого центра блока троцкистско-зиновьевской организации", - утверждает Радек.

По этому поводу я заявляю, что встречался с Даном, как членом Комиссии П Интернационала, по поручению ЦК, что при этих встречах присутствовали мои товарищи по делегации, и

что они могут подтвердить, что я неплохо торговался с Даном по делу, которое мне было поручено партией. Я говорил Радеку о встрече с Даном, как о курьезе, рассказав диалог, который произошел между нами: я говорю Дану, что он иссох и похудел, а он отвечает: "а Вы так потолстели, очевидно, потому, что выпили всю мою кровь".

6 Для всякого грамотного человека ясно, что кампания П Интернационала - обычная линия его в таких вопросах, и что Радек просто перестарался во лганье. Но здесь интересно другое. А именно: почему Радек не повторил этого на суде? Почему он не сказал об этом ни единого слова, хотя это исключительно существенное обвинение, да еще международного характера? Да просто потому, что он хорошо понимал следующее: скажи он это открыто на суде, произошел бы настоящий мировой скандал. Ибо Дан и его друзья отлично знали бы, что это - вранье, могли бы убедительно это доказать, и при том в данном случае ^сполной внутренней моральной правотой. Радек тогда подорвал бы доверие ко всем своим и клеветам, и даже правильным показаниям. Поэтому он убрал со стола эту гнуснейшую и подлейшую ложь (Кстати, ни Рыков, ни Томский не были осведомлены мной о моей поездке, я их не видел, ничего с ними обсуждать не мог не только политически, но и физически). Эта история с Даном, где Радеком придуманы и "подробности", проливает свет на всю систему гнусности и подлости этой изощренной провокаторской протобести.

3. О Радеке и об очной ставке с Сокольниковым.

В начале своего допроса от 27-29 декабря Радек передает якобы бывший у меня с ним разговор следующим образом:

"Бухарин в разговоре со мной высказывал надежду, что он избегнет ответственности, поскольку кроме Каменева его видимо никто не разоблачил, но я и тогда с Бухариным не соглашался, обращая его внимание на формулировку: "отсутствие юридических данных" х) и указывал ему, что единственным шансом для него бу-

х) В одном из разговоров (в присутствии других лиц) после заявления прокуратуры Радек действительно говорил о термине "юрид. данные" на что я заявил, что это или специфически-прокурорский язык, или же есть какие-либо сомнения.

дет, если следственные органы не нащупают рядовых участников организации правых, либо если последние окажутся настолько стойкими, что его не выдадут". (стр.1 и 2).

7 Затем, в том же разговоре, я якобы ссылаюсь на исторический опыт организации "правых", на ловкий маневр, якобы проделанный с Рютиным, представленным, как "дикая" группа, на стойкость Слепкова и т.д. и т.п.

Логической основой, исходным пунктом, этого разговора, якобы бывшего между мной и Радеком, является моя якобы позиция, что кроме Каменева, меня никто "не выдал" (я беру эту терминологию условно, рассматривая внутреннюю логику клеветы). Но Радек здесь проваливается самым позорным образом, ибо он не знает, что у меня была очная ставка с Сокольниковым, который утверждал, будто бы "правые" вошли через Томского в троцкистско-зиновьевск. центр и т.д. Как же я мог утверждать, что никто, кроме Каменева обо мне не говорил, и делать это исходным пунктом всех дальнейших рассуждений?

Не ясно ли, как солнце, что Радек здесь грубо лжет? Не ясно ли что вся дальнейшая цепь заключений падает вместе с падением своего основного звена? Я обращаю особое внимание на этот пункт, потому, что здесь Радек попался во лжи с поличными и ему ничем нельзя отвертеться: ведь, весь "разговор", все якобы "мои" высказывания связаны необходимой связью с предпосылкой, что "никто, кроме Каменева, не разоблачил" и т.д. Здесь Радек проваливается из-за незнания факта очной ставки с Сокольниковым. Но это значит, что Радек выдумывает целые разговоры, это данным местом доказано целиком и полностью. Факт крайне существенный для понимания всей остальной лжи политического мошенника и бандита. А тот факт, что Радек не знал о моей с Сокольниковым очной ставке, признается и самим Радеком. Здесь он лгать не мог по той простой причине, что не смог бы ответить ни на один вопрос, касающийся содержания этой очной ставки.

В конце допроса (стр.25 протоколов) Радек снова, в другой связи, выдумывая новую серию лживых утверждений, говорит:

§/ "На процессе же, насколько нам было известно, никто, кроме Каменева, не давал показаний о существовании организации правых и поэтому Бухарин думал (слушайте! Н.Б.), что других данных о нем у следственных органов нет".

Тут следователь говорит об очной ставке с Сокольниковым. И Радек, попав в затруднительное положение, не может об"яснит почему же я ему об этом не сообщил, говоря, что это "об"яснит очень трудно" и выдвигая две равно глупые гипотезы: 1) будто я думал, что он скрыл от меня свою очную ставку и 2) будто я не хотел его огорчать (хорош мотив в таких делах для якобы единомышленника"!).

Когда Радек заявил, что я ему ничего не сообщал об очной ставке с Сокольниковым, тов. следователь говорит:

"Это неправдоподобно. Вы поддерживали организационную связь с Бухариным, вы взаимно информировали друг друга о работе, которую проводят против ВКП(б) и Советской власти возглавляемые организации. Вы советовались друг с другом, оценивая личное положение каждого из вас, в связи с раскрытием первого центра блока. Как же мог Бухарин не оставить вас в известность, что его изобличал на очной ставке Сокольников?"

Постановка вопроса правильная, тем более, что Сокольников говорил о Радеке, как о члене троцк. центра. Но из нее следует вывод, очень естественный. А именно: если Бухарин действительно об очной ставке ничего Радеку не говорил, (а это доказано) то неправдоподобным становится все остальное, то-есть: организационная связь Бух. с Радеком, взаимная информация, борьба Бух. против ВКП и Советской власти и прочее, что нагано мерзавцем Радеком и его сообщниками. Неужели это так трудно сообщить, если не быть ослепленным предвзятостью и несправедливой по отношению ко мне тенденциозностью?

9 На самом деле я об очной ставке не рассказывал Радеку потому, что считал партийно-недопустимым разглашение данных следствия и его хода и сообщение этих данных человеку, находящемуся под следствием. Только и всего.

Из этого яркого примера видно, сколь много выдумывает и лжет Радек, с какой конкретной фантазией он это делает, как он не скупится на изобретение огромных разговоров и концепций, вкладываемых им в уста оклеветанной им жертвы. В этом пункте все настолько ясно и убедительно, что не может быть ни грана сомнений во всей чудовищной подлости радековских клевет.

4. Общая характеристика поведения Радека по отношению ко мне с политической точки зрения (до его ареста)

Я утверждаю, что в буквально всех до единого разговорах со мной Радек всегда и без исключений маскировался и меня тем самым злостно обманывал.

1) Радек усиленно ссылался на то, что он в свое время "выдал" Блюмкина, поставив интересы партии выше жизни своего бывшего товарища, т.е. на крови доказав свою партийность против троцкизма.

2) Он всегда необычайно расхваливал Сталина: "Сталин - девять десятых нашей победы".

3) Он ссылался на свои статьи, говоря о том, что нельзя их писать без глубокой веры и убежденности в правоте партии.

4) Он всегда демонстрировал свою близость к тайнам дипломатии, рассказывая о директивах инстанции и т.д.

5) Он обнаруживал постоянное беспокойство за Сталина, выражая тревогу за аппарат ГПУ, считая его засоренным.

6) Он рассказывал, что сын его жены в свое время предупредил против Мандельштама (расстреленного по кировскому делу); но что ему тогда не вняли.

10. 7) Он якобы искренне заявлял, что было бы счастьем для него, если бы он мог работать близко к Сталину.

8) Он никогда не делал вида, что у нас "все хорошо", но всегда, ловко "размышляя", неизменно приходил к (показному партийному решению вопроса.

9) Он внушал мне систематически мысль, что он может стать объектом мести со стороны ненадежных людей нашего госаппарата, говоря о вероятности польской агентуры в ГПУ.

10) Он ругательски ругал Сокольников, называя его подлецом, с которым он не разговаривает уже несколько лет. (Ругал уже после об"явления о предании его суду).

11) Он страшно ругался, что его жена пропустила к нему Мрачковского (после ухода этого последнего).

12) Он говорил мне о надежде, что "Сталин все разберет".

13) После моего приезда из отпуска, тотчас после приговора по делу троцкистско-зиновьевского центра, Радек из "партийных" соображений уговаривал меня ходить на партсобрания и т.д.

14) После ареста Радека его жена пришла ко мне и передала его последние слова: "Пусть Николай не верит ни-каким оговорам: я чист перед партией, как слеза". И я тогда же, по его и ее просьбе написал письмо тов. Сталину (кстати: тут особенно ярко видно, что последние слова Радека были бы просто невозможны, если бы я был соучастником преступлений Радека).

15) В моем присутствии Р. с иностранцами держался крайне дерзко-революционно: на приеме в польском посольстве он яростно атаковал польского корреспондента, дерзил Буллиту и даже в пресловутом разговоре с Баумом и др. на даче (о чем позднее) чрезвычайно резко нападал на Гитлера.

16) Рассказал мне однажды, что два его каких то знакомых слышали антисоветский разговор Корнея Чуковского (писателя), и что он, Радек, посоветовал им немедленно заявить об этом в ГПУ.

17) Весьма хвалил Ромма, как отличного партийца и великолепного нашего разведчика.

18. Рассказывал, что на парт. собрании в "Известиях" т. Селих человек с безупречной партийной репутацией, выступал после заявления Кам.-Зин. за него (что, как я узнал много позднее, оказалось чистой стопроцентной ложью).

И т.д.

Для чего нужно было это все проделывать, если бы я был хоть с какой-нибудь стороны прикосновенным к его конспиративной к.-р. работе? На очной ставке Радек выдвинул тезис, что "мы оба" (покорно благодарю!) иногда чувствовали себя людьми и тогда говорили по-человечески, что у него, и у меня была "двойственность". На это скажу: у меня никакой двойственности не было: я стоял и стою на партийной позиции. У Радека она, вероятно, была (если только и это не сплошной обман). Но "двойственностью" нельзя об"яснить ни "аргумент", связанный с Блюмкиным, ни последние слова, переданные Радеком мне через его жену о партийной чистоте, ни ругательства по поводу допуска Мрачковского, ни ругательства по адресу Сокольников, ни афоризма, что "Сталин все разберет", ни вранье о выступлении тов. Селиха на парт. собрании, ни многое другое.

Нет, дело здесь совсем не в том. Передо мной Радек маскировался, как перед искренним партийцем. Когда ударил гром, Радек думал найти во мне защиту (отсюда и его последние слова, и просьба написать Сталину). Когда он сам вынужден был сознаться в своих преступлениях, оговор меня ему помешать не мог, а известный шансик "на пользу" имел.

12 И так только по вопросам он почувствовал, что может начинать игру, он ее начал. А что до жизни, чести и т.д. другого человека-то какое, хотя бы малейшее, значение, имеют все эти категории для Радеков? Политически это для троцкистов двойной плюс (1. дезорганизация деятелей СССР, 2. фикция своей широкой базы), лично-маленький шанс премии на "искренность". Радек и поступил соответствующим образом.

подъез, об "аргументе", связанный с Блюмкиным, ни последние слова, переданные Радеком мне через его жену о партийной чистоте, ни ругательства по поводу допуска Мрачковского, ни ругательства по адресу Сокольников, ни афоризм, что "Сталин все разберет", ни вранье о выступлении тов. Селиха на парт. собрании, ни многое другое.

П. О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ, О ТРОЦКИСТСКИХ ПОРАЖЕНИЯХ,
О БАУМЕ И КОМП. и т.д.

Радек с совершенно безграничным нахальством выдумывает целую теорию, которую я якобы развивал ему в области международной политики: я, де, говорил о подтверждении теории организованного капитализма, о неизбежности поражения в войне на двух фронтах, о правильности предательской и изменнической политики Троцкого и комп. и т.д. и т.п. Так как негодяй Радек ссылается на якобы разговор, якобы бывший с глазу на глаз, то у меня нет возможности на 100% доказать его вымышленность. Я поэтому должен здесь прибегнуть к сложной аргументации, чтоб не оставлять без ответа эту подлейшую подлость Радека, коих у него, вррчем, целый мешок.

Я, прежде всего, должен сказать несколько слов по существу.

1. Я неоднократно говорил Радеку, что действительная история не только опрокинула тезис Троцкого о невозможности построения социализма в одной стране и о неизбежной якобы гибели нашей без государственно-организованной поддержки зап.-европ. пролетариата. Я говорил, что действительная история привела к тому, что без нашей помощи трудно победить зап.-европ. пролетариату (одну такую статью, разумеется, со смягченными по дипломатическим причинам формулировками, я поместил в свое время в "Известиях"). Самое интересное в том, что Радек со мной соглашался!

2. Я глубоко оптимистически смотрел и смотрю на исход войны, ежели она начнется, несмотря на всю подготовку к войне со стороны германского фашизма. Я не раз говорил, что из боязни быть обвиненным в теории организованного капитализма (неверной), часто у нас не анализируют государственно-капиталистических военных мероприятий фашизма, кои знать необходимо. Оптимизм мой покоится вот на каких основаниях: Япония будет неизбежно иметь против себя нас и миллионы китайцев, которые в нас будут иметь свою организующую силу. Что касается техники и морального состояния вооруженных сил, у нас неизмеримо лучше. Тыл принципиально другой, просто несравнимый

(в Японии - огромное перенапряжение бюджета, невероятно тяжелое положение в деревне, общее брожение и политический кризис и т.д.), людская организация на базе общего под'ема, в СССР гигантски выросла. С германской стороны - трудное. Н. Польша, даже при активной про-германской позиции ее правительства, будет для Германии "твердым орехом": рабочие, крестьяне, украинские низы, все евреи будут на нашей стороне. На данной базе автаркии в Германии все же на холостом ходу, хотя нехватки продовольствия в значительной мере результат мобилизационной политики. Трусость Англии и Франции велика, надеяться нужно, прежде всего, на свои силы. Но совершенно правильна политика и по линии КИ (поскольку вся проблема революции будет зависеть в случае войны от ее исхода и поскольку СССР - непревзойденный центральный центр и сила сил революции) и по линии дипломатическо-государственной. Я считаю политику нашу блестящей.

14 Вот о чем, по кускам, я говорил с Радеком. Но как это доказать?

Во-первых, я считаю, что Радеку уже никак нельзя оказывать преимущественного доверия.

Во-вторых, я могу сослаться на то, что в разговоре с О.Бауэром (присутствовал Аросев, который это подтвердит, надеюсь, если, не очень испугается) я горячо защищал нашу несомненную победу на обоих фронтах.

В-третьих, у копенгагенского физика Нильса Бора, в кругу датских ученых (присутствовал наш посол) я решительно и с великой настойчивостью громил Германию, призывал к борьбе с ней и предвещал нашу победу (в Дании царит пацифизм типа "не тронь меня").

В-четвертых, я в свое время (говоря с глазу на глаз) с'агитировал акад.Ив.Петровича Павлова прежде всего на нашей внешней политике, (и в значительной степени, на антифашистских антигерманских тонах).

В-пятых, Ромен Роллан может подтвердить, что с глазу на глаз я ему говорил о вредности троцкистов и о правильности нашей внешней политики (в том числе и политики соглашений с буржуазными государствами, и политики "народного фронта").

В-шестых, после приезда моего из-за границы, когда ко мне пришел проф. Талмуд, наш физик коммунист, я между прочим, сказал ему, что нужно работать в первую очередь на оборону, и что самые наши злейшие враги это - троцкисты.

Можно, разумеется, сказать, что все это для маскировки. Но

1. никто меня не заставлял говорить с Нильсом Бором о внешней политике, он очень хотел говорить о причинности в микрофизике и др. ученых вещах. 2. Случаи с Павловым и Ролланом вовсе не подходят ни с какой стороны под этот контр-аргумент. А они факт: о Павлове стало известным, Роллан, я думаю, всегда бы подтвердил, то, что я говорю. Совершенно бессмысленно было бы, если бы я, держась других ориентаций, настраивал бы на такой лад людей такого масштаба и такого калибра (оба они, разумеется, никогда бы не пересказывали того, что я им сообщил). Уступать сейчас Германии значит ее вооружать. Я не могу без негодования слышать о подлой линии троцкистских изменников.

И вот меня хотят с ними воссоединить! И подлец Радек делает это своими насквозь лживыми показаниями! И есть люди, которые этому верят! И клеветы Радека без опровержения печатаются в наших газетах и журналах!...

Здесь я перехожу снова к показаниям Радека и, прежде всего, к случаю с Баумом.

На следствии Радек изображал дело таким образом, что к нему неожиданно, "без предупреждения" (протоколы от 27-29 дек. стр.17) приехал Баум с еще одним немцем, что я сидел у него без рубашки, когда они приехали, что говорить он не захотел и поэтому стал делать резкие выпады, что я его в этом поддерживал, что поэтому немцы уехали, а затем мне Радек якобы рассказывал о своих прежних вондажах:

"Я и Бухарин - говорит он (см. протокол от 27-29.ХП.36г., стр.17) - в это время сидели на веранде моей дачи. Помните мне, что Бухарин в это время сидел без рубашки, Не имея никаких полномочий ни от центра, ни от Троцкого на ведение каких бы то ни было переговоров и не считая Баума человеком, достаточно авторитетным для таких переговоров, я решил с ним переговоров не вести. Кроме того, советник президента Коха... мне был совершенно не известен и я не хотел ввести в его присутствии подобные разговоры.

Не желая открыто ему этого сказать, я избрал, как форму отказа, очень острую характеристику гитлеровского режима, в чем мне помогал Бухарин".

Дальше сообщается, что Баум, поняв ситуацию, уехал, Радек ввел меня в курс дела с немцами, я его одобрил и т.д.

Касательно этих немцев Радек делает несколько нарочитых обманов:

1. Немцев приехало не двое, а трое (он мне их представил, как "настоящих фашистских профессоров").

2. Баум и комп. вовсе не уехали до меня, а я быстро ушел, причем немцы остались у Радека.

16 3. Весь последующий "разговор" со мной Радека вымышлен от начала до конца.

Но здесь важно отметить вот что. Радек утверждает, что он при мне не вел никаких гнусных переговоров с этой компанией. Это верно. Но чем он об'ясняет такое обстоятельство? Если прочесть только две страницы протоколов, то сразу видно, как вертится здесь Радек, беспощадно путаясь в поисках вразумительного об'яснения:

1) он, Радек, не имел полномочий от центра и Троцкого;

2) он не считал Баума достаточно авторитетным;

3) он не знал советника президента Коха (стр.17);

4) однако, "видно в Берлине поручили Бауму вести переговоры" (стр.18);

5) "немцы уже кладут ноги на стол, в частности и по этой же причине я не хотел вступать с ним в переговоры" (стр.18).

Все это - явный вздор: разве полномочий у Радека не было достаточно для второго "зондажа", если были для первого? Разве во время этого "первого" Баум для него не был достаточно авторитетен? Разве сам Радек не говорит, что Берлин поручил Бауму с ним, Радеком, говорить? И т.д. Видно, как Радек ищет какого-то об'яснения и его не находит, набирая целый ассортимент первых попавшихся аргументов. А в чем же настоящая причина?

Она очень простая: мое присутствие. Если бы я был Радековским единомышленником, то все обстояло бы ультра-хорошо: тут представители двух течений, о чем мечтали "хозяева" Радека (см. выше заявление Баума по поводу Гитлера и Троцкого) - вот тут бы и поговорить! Однако, этого не случилось. И не случилось потому, что я никакого отношения к гнусной полити-

ке Радеков и комп. не имел и иметь не мог. Радек это прекрасно знал и поэтому в моем присутствии не говорил с Баумом, а на следствии не успел, как следует, придумать более удачную ложь, чем сказанная им, и запутался.

17 Мое истинное отношение к фашистской немецкой сволочи явствует вот из какого факта. Однажды Радек проронил два слова, что кто-то ему рассказывал, будто в "Национале" живут два гитлеровские агента, обследующие положение нашей молодежи. Я немедленно позвонил в ГПУ т.Слуцкому (если память мне не изменяет), и там получился какой-то положительный результат. "Маскировки" тут быть никакой не могло по той простой причине, что если бы я был соратником Радека, то мне незачем было бы перед ним ни маскироваться, ни доносить на фашистских союзников. Мне приходится прибегать к упоминанию об этом факте, ибо вся работа моя (статьи, речи, доклады, направленные против фашизма) после радековско-пятаковских подлостей не является аргументом, ибо взята под подозрение.

3. Радековская клевета о терроре и др.

Большей подлости, чем лжесвидетельства Радека о разговорах, якобы имевших место у него со мной после злодейского убийства тов.С.М.Кирова, не может придумать никакое воображение. Если бы не создавшаяся общая обстановка, перепутанность связей и событий, я бы отвечал оскорблением, действием всякому, кто осмеливался бы повторять радековскую клевету по моему адресу... Когда-то давно Владимир Ильич говорил мне, что с Радеком нужно осторожно, что он интриган и мерзавец, а я смеялся. Теперь приходится плакать... Смертью Кирова я был потрясен: и политически (потому что считал Кирова исключительно талантливым руководителем партии), и человечески (ибо у меня были очень хорошие отношения личного порядка, и Киров относился ко мне с чуткостью и нежностью большего сердца). Даже Радек, гадина, скрипя вставными зубами, на очной ставке был вынужден сказать, что я "очень тепло" говорил о Кирове. И тут же он показывает, что я якобы заявил, что или нужно прекращать террор или переходить к более массовому террору, что потом я сказал, де, ему, будто "правый центр" (Томский и Рыков) высказались за последнее, и мои колебания прекратились.

Еще раньше Радек говорит, что я допускал, что т.Кирова убили правые. Все это - кровавая и возмутительная клевета, которую он повторил и на суде. Это просто подлое кощунство, использование трагического факта для низменной и невыразимо коварной клеветы. Я могу только еще раз сказать, что я ни разу ни с Рыковым, ни с Томским в это время и позднее не видался и поэтому говорить с ними и обсуждать какие бы то ни было вопросы физически не мог. Радек утверждает далее в своих показаниях на следствии, в ответ на вопрос о разделении труда внутри вооружаемого "правого центра", что я и Угланов налегали на террор, а Рыков и Томский - на диверсии. Волосы дыбом становятся от всей этой гнусной лжи. Однако никто не сможет доказать, что я даже знал, где находится Угланов, жив ли он и т.д. Я с 32г. не имел ни малейшего представления даже о его жизни и существовании, не то, что о его взглядах. Пусть хоть кто-нибудь попробует показать, где, когда или через кого я имел хотя бы какую-нибудь "связь" с Углановым после 32 г.!

На очной ставке Радек говорил, что я не сочувствовал диверсиям, но выполнял "приказы"! Чьи? Очевидно Томского и Рыкова, с коими не видался. Как выполнял? Где это выполнение? Это тот "миф", творчеству которого Радек, очевидно, обучился у фашистов.

Радек выдумывает целый "разговор на-чистоту" (стр.6 протоколов допроса от 27-29 дек.), в котором я якобы "подтвердил" что

"Томский, Рыков, Угланов и он - Бухарин - сохранили организацию, в которую входит ряд бывших деятелей профдвижения и хозяйственников и что организация считает необходимым вести борьбу против руководства ВКП(б) всеми средствами, вплоть до террористических".

Здесь я повторяю то, что говорил несколькими строками выше о Угланове - с одной стороны, Рыкове и Томском - с другой. Было бы очень интересно знать имена "хозяйственников" и "деятелей профдвижения", хоть бы один факт их деятельности, хоть один факт их связи со мной, конкретной по времени и месту, хоть один факт их преступной и мне известной деятельности (а Радек утверждает на стр.7, что я ему сам заявил об их вредительской деятельности - не более не менее!).

Дальше. Выдуманная Радеком "беседа" относится им к лету 34 года. И вот я якобы называю Радеку имена Цетлина, Слепкова и Марецкого потому, что их "провал" "очень нервировал и заботил Бухарина". Но ведь Слепков и Марецкий были арестованы летом 32г.! И этот арест меня через два года так "нервировал", что я поэтому назвал эти имена (точно об этих арестах в свое время, к тому же, не было известно!). Хорошо, но ведь эти лица так или иначе арестованы (Цетлин был выпущен, но уехал на Урал). Где же организация? Где она? И тут Радек начинает плести свою утонченную ложь с другого конца. После предпоследнего пленума ЦК я рассказал Радеку о докладе т.Ягоды и об арестах в Академии Наук, в том числе в моем институте. Рассказал потому, что меня очень мучил вопрос, должен ли я, сомневаясь в виновности некоторых людей, написать об этом в ЦК или нет. Я ни в малейшей степени не знал о разветвленной троцкистской организации, обо всем, что было вскрыто органами НКВД. Особенно меня поразил арест Бусыгина и Кошелева, фамилии которых я и упомянул Радеку. Тов.Кржижановский тоже счел удивлялся аресту Бусыгина (не Кошелева). Тов.Волынский, б.управдел Академии и старый чекист, поселивший в свое время Бусыгина в общежитии Ак.Н., говорил, по словам Кржижановского, что Бусыгин попал, очевидно, случайно. О Кошелеве я знал, что он, б.путиловск. (кажется, путиловский) рабочий, был специально прислан ленинградским обкомом для оздоровления парторганизации, что он был связан с органами НКВД и т.д. Когда меня стали пощипывать в Ак., я написал письмо т.Кржижановскому и Горбунову (копии т.т.Сталину и Молотову) и, упоминая об аресте Бусыгина и Кошелева, в отпечатанный на машинке текст письма вставил от руки: "если здесь не произошло роковой ошибки" (этот факт можно проверить). Так вот, зная эти фамилии, лжец Радек строит целую версию о том, будто я рассказывал ему, что собираю "принципиально твердые кадры", да еще умеющие владеть оружием! Но кто же они? Радек лжет, когда говорит, что Кошелев и Бусыгин были, по моим словам, правыми. Никогда я ему этого не говорил. С Бусыгиным меня познакомил Волынский. Кошелев, как сказано, был прислан обкомом. Или может быть, я организовывал троцкистов, которые арестованы НКВД? Но тогда где же эти найденные мною твердые принципиально кадры из молодежи, о которых говорил Радек? Кто они?

Рассуждения о том, что Бухарин знал Куклина, Бакаева, Евдокимова и др. (стр.10) не стоят ломаного гроша. Я "знал" очень многих людей, тысячи людей, знал, разумеется, всех бывших когда-либо членов ЦК. Но пускай докажут, что я их последние годы вообще видел, имел с ними какие-либо предосудительные связи или знал об их предосудительной деятельности, - а ведь в этом весь вопрос.

Но вот с Мрачковским мне в прошлом не приходилось встречаться, я как раз о нем, ни как о человеке, ни как о политике, не имел ни малейшего представления. А именно о нем Радек рассказывает выдуманный им мой с ним на квартире у Радека разговор, со спекуляцией на различные словечки для правдоподобия.

Об этом нужно сказать несколько слов.

Я однажды случайно встретил у Радека Мрачковского, не зная, что это Мрачковский (мне об этом сказал Радек). Приехал я, чтобы прочитать статью, которая должна была идти в газете. После того, как я ее кончил читать, Мрачковский, пробурчав два-три слова, тотчас ушел, а Радек, сказав, что это Мрачковский, стал ругаться, что его жена пропустила М-ого и дал распоряжение его больше не пускать.

Таковы истинные факты, а не выдумка. Я в первом же письме в ПБ сказал об этом факте. (Кстати, Радек ничего от меня не знал о содержании моего письма в ПБ, равно как и я о содержании его писем. Не глупо ли предполагать, что это возможно было бы, если бы мы действовали за одно? Между тем факт незнания - легко доказуемый факт: стоит только спросить Радека о содержании моего письма - если, разумеется, оно ему не было пред'явлено, прямо или косвенно, как свидетельское против него показание. Если бы я был единомышленником Радека и вел с Мрачковским тот разговор, который приписывает мне Радек и вообще знал о роли Мрачковского, то зачем мне нужно было бы сообщать в ПБ о самом факте встречи Мрачк.у Радека? Опять таки: неужели трудно сообразить, что этот факт моего письма с заявлением о Мрачковском есть опровержение радековской клеветы? Но пойдем дальше. Вот как передает Радек разговор с Мрачковским. Мрачковский, де, пытался узнать о тер-

рористических группах правых. Бухарин уклоняется и отвечает: "Когда займешь пост главнокомандующего и у нас, тогда узнаешь все" (стр.14).

После ухода Мрачковского - продолжает лгать Радек - Бухарин якобы сказал:

"Мрачковский попрежнему партизан и пистолет" и далее стал развивать террористические идеи (стр.15).

Я привожу эти места особенно потому, что для людей, знающих различные взаимоотношения, ясна ложь всех этих рассказов. Радек спекулирует здесь на якобы "мои" "словечки". Между тем:

1.Т.к. я не знал Мрачковского, то я не мог говорить с ним на "ты".

Т.к. я не знал Мрачковского, то я не мог говорить, что он "попрежнему" "партизан. и пистолет". Да я и сейчас не знаю, почему он был "партизаном" и "пистолетом". Тут Радек свои собственные отношения вкладывает в меня и очень неудачно, несмотря на всю свою обезьянью ловкость.

Во всех показаниях Радека есть одна весьма примечательная тенденция, которая бросает свет на истинные причины его низкой клеветы.

Николаева он не прочь был в своих показаниях подкинуть "правым". Он создает (якобы с моих слов!) правые организации, связанные со мной и мной руководимые.

На суде он говорит, что есть еще много неполноценных троцкистов, но что, кроме троцкистов, есть такая же по силе и руководимая центром правая организация. Вообще он склонен переносить ударение сюда.

Вспомним некоторые факты:

На первом процессе Мрачковский клялся, что выблевал из себя все. Однако он ни слова не сказал о Радеке.

О Радеке другими говорилось лишь, что на него "рассчитывали".

О Пятакове почти ничего не говорилось в газетах ничего не было из показаний против него на первом процессе.

И много больше говорилось обо мне (хотя все это было выдуманно от начала до конца).

Случайно это? Я думаю, что отнюдь не случайно. Радек продолжает ту же тактику. С одной стороны, говорит капиталистическому миру: вот, посмотрите! Вы видели, сколько мы, троцкисты, понаделали, посмотрите на одну только промышленность, на наше вредительство. Но в СССР, по крайней мере, вдвое хуже, ибо еще больше работали наши правые союзники.

Вот один политический смысл его речи.

А другой, более прозаический: я еще кое-что знаю, расскажу потом, пригожусь.

Последнему, поскольку не будет клеветы, можно только радоваться. А первое - преступно, как преступна клевета.

Я признаю за собой одну вину, как и другие товарищи, которых обманул Радек - доверие к этому мошеннику. Я слышал своими ушами, как еще Август Бебель говорил про Радека, что это грязный человек, имя которого не следует произносить. Но я думал, что это лишь ненависть к "левому".

Мне говорил Ленин, что Радек интриган и мерзавец, но я посмеивался, думая, что Ильич не может позабыть старых заграничных "склок".

Сталин когда-то советовал осторожность с Радеком.

А я ему верил, ценил его талантливость, верил в его искренний переход на партийные позиции, заступался за него. Финал известен. Когда Радек в своем последнем слове на суде призывает меня "честно" подтвердить его клевету, то это звучит так же, как его замечательное объяснение, что он запирался "из чувства глубокого стыда" (см. протокол от 4-5-6 декабря 1936г.). Когда его уличили, "стыд" исчез в одну секунду. Эта "стыдливость" Радека вполне эквивалентна его "честности".

Клевета Пятакова, Сокольников, Сосновского.

Я совершенно не исключаю, а наоборот, предполагаю крайне вероятным и почти достоверным, что троцкистские главари заранее обдумывали методику поведения в случае провала, куда входили, вероятно, иногда и весьма конкретные подробности. Маленький штришок: я вспоминаю, что когда я сказал Радеку, что ходят слухи об аресте жены Пятакова, и спросил его, как это возможно, он ответил, что он об этом тоже слышал и "это, вероятно, из-за ее любовных дел"...

А много позднее мне кто-то в редакции сообщил, что Пятаков в начале об"яснял арест жены ее любовными связями. ^{первоначальных} Случайно ли такое совпадение / "об"яснений"? Вряд ли. Что в методику действий этих извращенных суб"ектов входило даже уничтожение их собственных людей, "выдача" своих, уже провалившихся, сваливание вины на других, не их, людей, т.е. метод оклеветания, сеяния недоверия в партии, "стравливание", дезорганизация и т.д., общая, где можно, согласованность по некоторым вопросам (напр., об об"ектах клеветы), - все это, мне кажется, более, чем вероятно.

Так об"ясняются, возможно, и некоторые вещи, обнаружившиеся на очной ставке с Сосновским.

В самом деле, Сосновский показывал, что я вел с ними разговоры о троцкистских установках и соглашался с ними, что я ему помогал, как союзник в его к.-р. деятельности, и т.д. И при этом он приводил даже "вещественные доказательства":

1. Он принес мою записку к нему, где я рекомендую ему в статье вставить абзац о т. Сталине.

2. Он принес записку, где (уже после процесса троцкистско-зиновьевского центра) я пишу ему (после приказа за подписью т. Таля о его, Сосновского, увольнении из редакции), что я - не апелляционная инстанция, и у нас нет предмета для разговора.

И, кажется еще что-то.

Первое он об"ясняет, как помощь специфически-маскировочного характера. Второе - как тайную директиву, которую я тоже ловко ("дьявольски конспиративно", очевидно) ему дал, сообщая, что сношения, мол, надо прервать.

- 22 -

№ ПЗ465

Предположим на минутку, что это все именно так. Но вот вопрос: почему же опытный конспиратор Сосновский счел нужным тщательно сохранять эти компрометирующие его якобы сообщника записки? Это в силу "дьявольской конспирации"? Никак это не выходит. Значит, все это было придумано. Сосновский, к счастью, не знал того, что я не захотел с ним разговаривать, предварительно выслушав совет т. Таля (который сказал: "Вам не стоит говорить, а я о работе с ним поговорю"), и что даже записку я написал, согласовав текст с новым секретарем редакции, и он же эту записку переправил Сосновскому.

Такова "тайная директива". Что касается абзаца о т. Сталине, то я дал здесь совет Сосновскому не как троцкисту, а как искренне раскаявшемуся и искренне преданному соввласти и партии человеку, каковым я его считал, как и многие другие. Я думал, что иначе умолчание о роли Сталина будет среди всех сотрудников да и во-вне сочтено за какую-то полудемонстрацию: таковы были действительные нормы и сложившаяся практика, я менее всех был подходящим лицом, чтобы их ломать: наоборот, мне самому товарищи неоднократно вставляли соответствующие места, и я с этим соглашался.

Но корень вопроса состоит в любви Сосновского к сохранению якобы компрометирующих документов при "дьявольской конспирации". Я считаю, что это — подсобное орудие для заранее обдуманного случая необходимости в клевете.

1.0 составе центров троцкистско-зиновьевского блока.

Дело против меня началось, как известно, с показаний Каменева и др., кои клеветнически обвиняли меня в сотрудничестве с их центром. Я хочу здесь, прежде всего, на показаниях Пятакова, Сокольников, Радека осветить этот вопрос.

Сокольников, на очной ставке со мной, показывал, что в состав центра входил от "правых" Томский, что он это сделал не только по своему личному желанию и не только от своего имени, но и от имени мсего, Бухарина, и т. Рыкова. При этом Сокольников показывал, что знает это непосредственно от самого Томского.

Итак, Сокольников, один из членов троцкистского центра, говорит, что к ним входил от "правых" Томский. Версия № 1. Но здесь необходимо отметить следующий возмутительный факт. На очной ставке т.Каганович спрашивал Сокольникова: "А, может быть, Томский один входил в ваш центр, без согласия Бухарина и Рыкова?" На что Сокольников ответил уверенно, что Томский входил, и входил от имени троих, и что это он сам слышал от Томского.

А на суде, очевидно, прочтя показания Радека и зная его версию, или будучи об этом информирован заранее по следственному материалу, Сокольников показывает совсем другое: "Но правые не вошли в блок. Они заявили, что, будучи согласны со всем, они хотят сохранить свою отдельную организацию, свою центральную группу и поддерживать лишь контакт с об"единенным центром". (И, оказывается, что уже не он, Сокольников, разговаривал с Томским!) (см. стен. отчет с суда). Значит, у одного Сокольникова есть целых два, прямо противоположных, мнения. Это уже такое жульничество, какое вообще, пожалуй, не могло бы быть оставлено без возражений во время процесса со стороны прокурора, который присутствовал при очной ставке.

Посмотрим, что показывает Радек (протоколы от 4-5-6 декабря, стр. 5-7).

Здесь говорится, что:

"В состав центра троцкистско-зиновьевского блока входили: Зиновьев, Каменев, Бакаев, Смирнов И.Н., Мрачковский, Тер-Ваганян".

На вопрос: "Известно ли вам об участии в центре еще кого-либо"? Радек отвечает отрицательно.

2) В параллельный центр входили: Пятаков, Сокольников, Серебряков, Радек.

Таким образом, в троцкистские центры не входил никто из б.правых.

Посмотрим, наконец, что показывает по этому поводу Пятаков (см. протокол допроса от 19-20 декабря, стр. 14):

43

"На первых порах мы - говорит он о членах параллельного центра - предполагали возможным ограничиться установлением системы отдельных встреч членов центра между собой. Так, я дважды встречался в 1935 г. с Сокольниковым, два или три раза с Радеком, а также с Серебряковым, встречался далее с Томским, который формально, хотя и не являлся членом центра, но по существу дело шло к тому, что центр сложился с участием правых. Мне известно, что Сокольников поддерживал связь с Радеком, а также встречался с Томским. Кажется, были встречи Радека с Серебряковым (а из правых с Бухариным)".

Итак, по этой версии, хотя Томский формально и не входил в центр, но "дело шло к тому", что центр "сложился с участием правых".

Что это значит, понять трудно. Ибо о какой "формальности" вообще могла здесь идти речь? Ее вообще, ведь, судя по всем показаниям, не было. Затем, оказывается, центр уже сложился, а с другой стороны - "дело" только "шло к тому". Как понять этот вздор?

Во всяком случае, здесь мы имеем третью версию, отличную и от первой, и от второй.

Спрашивается: возможно ли, что бы из четырех известных членов троцкистского центра трое имели различное представление о таком важном политико-организационном вопросе, как самый состав этого самого центра, если бы к делу не примешивался какой-то недействительный и лживый якобы факт?

Всякий непредубежденный человек скажет: нет, это невозможно.

Здесь просто люди не успели спеться во вранье.

Когда люди создают узкую, маленькую, строго законспирированную организацию из 4-5 человек, то совершенно диким является предположение, что трое из четверых толком не знают есть ли еще пятый. А здесь трое говорят об этом пятом по разному: один, что он не входил, другой, что он - входил на полных правах, третий - что он формально не входил, но "участвовал" в составе. При этом один из троих, смотря по обстоятельствам, выставляет два противоположных утверждения, ни капли при этом не краснея. Здесь со всей очевидностью выступает та объективная истина, что после показаний на суде во время первого процесса (а может и раньше) троцкистами решено было держаться на

2/2

клевету о сотрудничестве с Бухариным, Рыковым и др., но в конкретном вопросе о центре не успели договориться точно об этой клевете или дать друг другу соответствующие сигналы.

А вопиющая разногласица по такому вопросу разоблачает клеветников. И тут уж никак нельзя отболтаться таким, скажем, контр-аргументом, что Томский как-то неопределенно был "около" или "почти - входил", и что это об"ективная неопределенность ("организационная нечеткость") сказала на неопределенности показаний. Ибо Сокольников весьма четко говорит: вошел, и даже с мандатом от своих коллег. Радек отрицает всякое вхождение, отграничивая точно четыре имени. Пятаков занимает третью позицию. Сокольников на суде круто меняет вехи, демонстрируя свою абсолютную лживость.

Неопределенность есть, следовательно, не результат об"ективной неопределенности положения, а результат суб"ективной несогласованности клеветы.

Я не могу отвечать за Томского, ибо не знаю, что он делал последние годы, но что он не мог вести от моего лица переговоры с троцкистскими бандитами, ссылаясь на мое согласие, в этом я уверен абсолютно. Сокольников на очной ставке об этом бессовестно лгал. Характерно для Сокольникова, что эту свою ложь на очной ставке он полностью опроверг на суде, заменив ее другой ложью.

В этом вопросе есть, однако, и другая, чрезвычайно примечательная, сторона. И в показаниях Радека, и в показаниях Пятакова, рассказана длинная история "запасного центра", превратившегося в "параллельный центр". И Радек, и Пятаков показывают, что это превращение отнюдь не случайно, а что оно есть результат превентивных мер троцкистов "чистой крови" против зиновьевцев. Троцкисты боялись такого соотношения сил в их блоке, что зиновьевцы будут командовать. И вот, чтобы обеспечить гегемонию троцкистов, они идею "запасного" (на случай провала) центра превратили в параллельный троцкистский центр, с одобрения и самого обер-бандита Троцкого. При этом следует вспомнить, что, по показаниям Пятакова, Троцкий его учил не все говорить даже ближайшим единомышленникам, и сам Пятаков думал, что Троцкий не все даже ему, Пятакову, говорит

о своих действительных установках (хотя, казалось бы, куда уж идти дальше, чем блок с фашистами, интервентами, пораженчество, измена, диверсия, белый террор и т.д.). И вот в центр, конспирирующий от зиновьевцев и долженствующий обеспечить гегемонию "чистого троцкизма" привлекается Томский или "участие правых"! Разве не ясна вся нарочитая придуманность этой лжи, где не сходятся концы с концами самым очевидным образом! +)

Эти три разнородные версии о составе параллельного центра как раз в пункте о правых и эта бессмыслица с привлечением правых для обеспечения гегемонии троцкистов над зиновьевцами по некоторым из этих вариантов обют в нос своей лживой природой, прямо воняют ложью.

2. О "связях", "контактах", "блоке" и т.д. троцкистов и зиновьевцев с "правыми".

Прежде всего, я оговариваюсь: когда я говорю о "правых", я ставлю это слово в кавычки, если говорю, прежде всего, о себе (а я себя правым отнюдь не считаю).

Вопрос о соотношениях между троцкистско-зиновьевским блоком и "правыми" не исчерпывается одним лишь вопросом о вхождении или невхождении в общий центр. Что никакого такого вхождения не было, и что относящиеся сюда показания членов троцкистского центра явно лживы, доказано, мне кажется, довольно убедительно предыдущим анализом показаний клеветников.

Здесь я продолжаю исследовать их показания насчет "связей" вообще.

Начну с показаний Пятакова.

На очной ставке Пятаков, правда, без радековского энтузиазма, рассказывал, что с самого начала моей работы в НКТП находился со мной в политически-близких отношениях, что он меня информировал о позиции Троцкого, я же высказывал "пессимистические взгляды" о промышленности и т.д.

+) Если предположить, что Сок-в говорил о 1-м центре, это не спасает дела: тогда у Сок-ва два варианта, Пятаков говорит все же об участии именно во П-м центре, Радек отрицает это участие и в 1-м, и во П-м. Масштаб и об'ем жульничества Сокольникова остается в полной неприкосновенности.

Начал он свой рассказ с того, что я ходил в 1928 г. к нему в больницу и высказывал пессимистические мысли о ходе развития. Это и было де началом связей.

Каково же было дело в действительности? В 1928 г. (т.е. почти 10 лет тому назад) я, действительно, прочитал Пятакову, который был в больнице (у него оказался сидящим и Каменев) написанную мной т.н. "платформу" (тезисы о текущем, главным образом, хозяйственном, моменте). Эта "платформа" никуда не пошла, никак не распространялась и не размножалась. Когда в ЦК разбирались какие-то дела о правой оппозиции, меня усиленно допрашивали насчет моих тогдашних взглядов, и т.Серго сослался на "безымянного" корреспондента, который сообщал, что я считаю вероятным, в случае войны, что наши новые заводы достанутся белогвардейцам, если мы не помиримся с мужиком. Так как это было выражением из упомянутой платформы, то мне вся кровь бросилась в голову: я понял, что Пятаков и был этим "безымянным корреспондентом". Меня поразило здесь следующее обстоятельство: Пятаков со мной весьма нежничал, успокаивал мои волнения, посылал со мной свою маленькую дочку, чтобы она проводила меня домой, говорил разные хорошие слова - и потом так коварно поступил! - такова была тогдашняя моя психология. Что именно Пятаков сказал о платформе, это он подтвердил, да это и без того знают члены ПБ. Как же считать хоть сколько-нибудь вероятным тот якобы факт, что, после перерыва всяких отношений, придя в НКТП, я сразу же стал перед ним держать оппозиционные ("пессимистические", как он говорил на очной ставке) речи.

Не ясно ли, что все это вздор?

С другой стороны, разве вероятно, чтобы сам Пятаков начал осведомлять меня о троцкистских планах, когда я пришел в НКТП?

Ведь вот что говорит Пятаков (см. протокол от 19-20 декабря стр.6) о методах их организации:

"...об установках Троцкого нет нужды рассказывать всем: надо людей проверять длительно и только после этого, будучи полностью уверенным, что никаких неожиданностей не будет, знакомить соответствующих троцкистов с подлинными взглядами Троцкого".

31
Как же можно поверить, чтобы Пятаков по отношению ко мне вдруг проявил такую сугубую неосторожность, которая шла вразрез с их, троцкистско-конспиративными нормами? И это тем более, что, по его собственным показаниям, он, в разговоре с Каменевым (1932 г.), сомневался, можно ли идти с правыми, с которыми были чрезвычайно острые политические разногласия.

Значит, и с этой точки зрения для всякого непредубежденного человека видна явная надуманность и лживость показаний Пятакова.

Как говорит Пятаков в 1932 г.

"Каменев..... сказал мне, что у центра установилась связь с правыми (Бух. Рнк., Томск.). "Хорошо бы - сказал Каменев - если бы и вы сейчас поддерживали необходимую связь с Бухариным, с которым у вас хорошие отношения". (Означен. протокол стр. 10).

Далее Каменев, по словам Пятакова, сообщает, что они "договорились" с правыми насчет общей позиции (об этом речь еще будет ниже).

В связи с этим я должен заметить, что и здесь ясно видна ложь Каменева - Пятакова.

В самом деле. После моей (политически преступной) беседы с Каменевым в 1928 г. (прошу помнить, что это все имеет почти десятилетнюю давность!!), ведь Каменев, "приукрасив" ее и препарировав соответствующим образом, записал и дал троцкистам для напечатания. Ведь он таким образом (выражаясь соответственно тогдашней моей психологии) "выдал" мое посещение и поступил еще более коварно, чем Пятаков (с "платформой").

С другой стороны, он присутствовал и при чтении этой платформы. Так как же я при таких условиях мог бы вступать с места в карьер в блоки и соглашения?

Таким образом, и этот каменевско-пятаковский эпизод звучит крайне не убедительно и говорит сам о своем клеветническом характере.

32
Мне то представляется очевидным, что Пятаков здесь подхватывает нить, которую начал плести еще Каменев на суде, о чем Пятаков прекрасно знал из газет.

Однако, интересно отметить, что в своей последней, заключительной, предсмертной речи Пятаков ни слова не говорит о правых (не исключено, что все же его в последний момент заела совесть) в противоположность Сокольникову и особенно Радеку.

Посмотрим теперь на дело с другой стороны. Пятаков на очной ставке заявляет, что он был связан со мной с 1931 г. и рассказывал об установках Троцкого. Пятаков же показывает, со слов Каменева, что зиновьевско-троцкистский блок "договорился" в 1932 г. с правыми на общей контрреволюционной платформе.

А вот что читаем мы на стр. 26 допроса Пятакова от 23 декабря о позиции Троцкого, обер-начальника всех троцкистско-зиновьевских банд. Оказывается, в декабре 1935 г. Троцкий говорит Пятакову, что будто бы правые признали все троцкистские установки, вплоть до террора и вредительства, но что

"мне (Троцкому) известно, что у вас там начали дискутировать по вопросу о том, как далеко можно провести это об"единение". "Пусть на первых порах это будет контакт - ведь начали же мы в 1926 г. с контакта с зиновьевцами..."

Я оставляю в стороне клеветнический характер всего этого в целом. Здесь я указываю лишь на вопиющее, кричащее противоречие этих реплик атамана бандитов со всем, о чем толкуют Пятаковы и Сокольниковы (Сокольниковы до суда). Троцкий на рубеже 1936 г. требует хотя бы контакта с правыми: "пусть на первых порах это будет контакт!"

Ну, не очевидно ли, что Троцкому хочется иметь правых, а ничего по его же словам, нет! Не ясно ли, как здесь все запутано и налгано? А на стр. 21 допроса Радека (протокол от 4-5-6 декабря) мы читаем изречения того же Троцкого:

"Если придет дело к войне, то ряды троцкистов и зиновьевцев расширятся притоком из правых кругов".

33 Как же это так, если эти самые "правые круги" уже давным давно в блоке, в тесной "связи" и т.д. и т.п.?

Все эти противоречия в показаниях указывают на их глубоко нечестный характер, и из этого нужно делать соответствующие выводы.

Из показаний Пятакова, кроме вышеозначенных мест, обо мне говорится: на стр. 3 протоколов (о том, что Троцкому известно, будто правые - речь идет о 31 г. - "притаились"). Это чтение в душах и мало конкретно.

На стр. 14 Пятаков говорит, что, "кажется", Радек встречался в 1935 г. с Бухариным. Всем известно, что я в 1935 г.

работал с Радеком в одной редакции. На стр. 26: Троцкий "интересуется" рядом лиц, в том числе и мной (в числе списка есть и тов. Крестинский, например).

На стр. 27: Троцкий дает директиву "не ослаблять связи" со мной (вопреки требованию будущего контакта!).

Все эти добавочные противоречия только осложняют путаницу, характерную для этого организованного троцкистско-зиновьевского лганья и клеветничества.

3. Об "общей платформе" по показаниям клеветников троцкистов.

Чрезвычайно поучительно распутывать и распутать дальнейшую гнусную клевету насчет якобы имевшейся общей платформы.

Вот что имеется по этому вопросу в показаниях Пятакова, когда он передает слова Каменева (протокол от 19-20, стр. 11).

".....Эта общая цель:

1. Свержение Сталина и ликвидация сталинского режима.
 2. Отказ от построения социализма в одной стране и, следовательно, соответствующее изменение эконом. политики.
- На этих двух пунктах мы с правыми легко договорились".

"На мой вопрос - продолжает Пятаков - что значит изменение экономической политики, Каменев, со свойственным ему апломбом, ответил: "Ну, знаете, конкретизировать будем тогда, когда будем у власти. Ясно только одно, что нам нужно будет отступить, чтобы ослабить внутреннее положение и выровнять внешнее".

Итак, договорившийся якобы с правыми Каменев выдвигает нечто весьма неопределенное: определенными являются только два вышеприведенных пункта.

Сокольников на очной ставке ничего не говорил насчет общей платформы, но говорил, в ответ на вопрос т. Кагановича, об уступках капитализму, мелкому собственнику и т.д.

А на суде вдруг Сокольников заявляет:

"Что касается программных установок, то еще в 1932 г. и троцкисты, и зиновьевцы, и правые сходились в основном на программе, которая раньше характеризовалась, как программа правых. Это - так называемая рютинская платформа; она в значительной мере выражала именно эти, общие всем трем группам, программные установки еще в 1932 г.". ("Правда" № от 26 января, стеногр. отчет о процессе).

Почему же Сокольников ни слова не говорил о рютинской платформе во время очной ставки со мной?

Почему он ни слова о ней не говорил, когда его много раз спрашивали именно о платформе?

(И да позволено будет спросить, почему прокурор не обратил внимание на это исключительно кричащее противоречие?!).

Почему Каменев в ответ на вопрос Пятакова ни слова не говорил о рютинской платформе?

Почему сам Пятаков ни на следствии, ни во время очной ставки, ни на судебном следствии, ни в заключительной речи ни слова не говорил о рютинской платформе?

Почему она вылезла только под самый конец у Сокольникова "второй манеры"?

Почему даже Радек, который упоминает о рютинской группе, лжет о ней по другой линии, и ни слова не говорит о ее платформе, как общей платформе трех групп?

Почему Троцкий, по показаниям и Радека и Пятакова, ни разу не заикается об этой якобы столь авторитетной и важной платформе?

Из этих недоуменных вопросов вытекает и здесь явное жульничество Сокольникова, который сперва играл на Томском, потом его бросил, сперва играл на вхождении правых в их троцкистский центр, а потом пересел на другую лошадь (самостоятельности "правых"), сперва ни слова не говорил о рутинцах, а потом схватился за Рютина на открытом заседании суда. Талантливый клеветник!

Смысл этого танца обнаружится в дальнейшем. Сейчас же достаточно констатировать здесь элементарное, грубое, площадное жульничество Сокольникова.

Возвращаемся теперь снова к исходному пункту, к формулировкам Каменева.

Здесь во главу угла поставлена невозможность социализма в одной стране, самая глупая, вдребезги разлетевшаяся и разбившаяся в прах теория Троцкого.

Всякий, кто мало-мальски добросовестно изучал партийную историю и историю борьбы с уклонами, знает, что при всех своих ошибках, при всех своих больших грехах, я на всех этапах был

горячим противником этой теории, и еще в совместной борьбе против Троцкого обстоятельно (в том числе и в одной довольно большой работе: "О характере нашей революции" и т.д.) выяснял ее злостную антиреволюционную природу. Поэтому нет ничего более глупого, как подсовывать мне эту "теорию", как базу воображаемых соглашений воображаемого центра правых с подлецами из троцкистско-зиновьевского центра.

Я здесь не хочу вдаваться в какие-то бы ни было теоретические рассуждения; констатирую лишь, что и вопрос об общей платформе при ближайшем рассмотрении оказался точно так же большим мешком, набитым омерзительной троцкистско-зиновьевской клеветой и мелким мошенничеством, из которого клеветники извлекают свой жалкий и недостойный пропит.

+ +
+

В заключение этой главы я хотел бы остановиться в нескольких словах на двух фактах.

36 1) Мой спор с Радеком в пленуме Конституционной Комиссии. Здесь Радек очень хитро (и с большой пользой для троцкистов и всех других антисоветских сил) поставил вопрос о праве каждого гражданина выставлять кандидатуры на выборах в Верховный Совет. Я, если не ошибаюсь, трижды выступал против него, мотивируя недопустимость этой нормы, ибо тогда все будут лезть в эту щель и выставлять антисоветских кандидатов и устраивать большие политические скандалы, если мы будем вынуждены в той или иной дозе этих кандидатов ущемлять. Спрашивается, зачем мне нужно было проваливать предложение Радека, если бы я был его единомышленником? Меня за язык никто не тянул.

Как же об"яснить все это? Только так, что я стоял и здесь на страже интересов партии и диктатуры пролетариата.

2) Подготовка парижскими троцкистами выступления против меня и физического против меня нападения.

В бытность мою в Париже меня наша секретная служба заставила переехать из гостиницы, где я жил, в посольство, рас-

сказав, что парижские троцкисты готовят против меня большую гадость. Я сам видел, что с определенного времени появились для моей охраны наряды французской полиции. До того, на моем докладе, где была масса народу, троцкисты устраивали мне дикий скандал и "Последние Новости" писали, как, под моим руководством, бьют троцкистов на лестницах. Можно ли полагать, что парижские троцкисты хотели меня угробить для "конспирации", т.е. для того, чтобы прикрыть мою "действительную" к ним симпатию? Вряд ли можно об этом даже думать. Что же отсюда вытекает? Отсюда вытекает, что троцкисты считают меня своим смертельным врагом, равно как и я считаю их своими смертельными врагами, ибо они — смертельные враги дела, которому я служу.

Часть II (о правых лжесвидетелях) следует.

В е р н о: *Верну*

2306/ВМ/МН

№ ПЗ465

Настоящую часть II моего "Заявления" Пленуму ЦК ВКП(б) (стр.39-93) прошу перепечатать, размножить, присоединить к ранее посланной части I и раздать всем участникам Пленума заблаговременно. Копию на машинке всего документа прошу прислать также и мне.

Я извиняюсь за рукописную (и не очень чистую!) форму этого заявления, но все это вызвано крайней спешкой (в связи с весьма поздним получением материала) и моим крайне болезненным нервным состоянием.

Н.БУХАРИН.

20.П.37.

Р.С. Из-за той же спешки я вынужден был из своего прежнего заявления (в связи с показ.Цетлина) вырвать часть и вставить сюда, а не писать заново.

Заявление т.Н.Бухарина.

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПЛЕНУМА ЦК ВКП(б).

ЧАСТЬ П.

П Р А В Ы Е Л Ж Е С В И Д Е Т Е Л И .

О показаниях Куликова.

Я могу писать о Куликове лишь на основе воспоминаний об очной ставке с ним.⁺)

Здесь не место повторять историю возникновения правой оппозиции. Здесь я хочу выделить лишь несколько наиболее ярких пунктов, связанных с наиболее тяжкими, направленными против меня обвинениями.

Но предварительно я должен остановиться на одном политическом эпизоде, который освещает все дальнейшее совершенно определенным светом.

Еще до того, как я и др. подали (в 1930 г.) заявление о признании своих ошибок (это было 7 лет тому назад!), совершенно неожиданно для меня тогдашние мои единомышленники, Угланов и Куликов, подали заявление о капитуляции (отдельно Котов, отдельно В.Михайлов, вместе Угланов и Куликов). Но что меня в те поры особенно огорчило, так это был текст углановско-куликовского заявления. Этот текст был подчеркнуто-враждебной по отношению ко мне демонстрацией. Я об этом на очной ставке с Куликовым упоминал и на этом настаивал. Куликов это на очной ставке отрицал. Но позднее я достал старую "Правду" (№ от понедельника, 18 ноября 1929 г., стр.2) и в "Заявлении т.т.Угланова и Куликова" обнаружил следующее место:

39 "Перед нами встает вопрос, что дальше? Быть ли на отлете от партии и рабочего класса и поддерживать т.т.Бухарина, Рыкова и Томского или идти в ногу со всей партией? Мы считаем нужным быть вместе с партией и рабочим классом и победоносно бороться за социалистическое строительство.

Н.Угланов.
Е.Куликов".

+) Первые разделы этой части были написаны до получения показаний, кои я получил 16.П.37г.

Когда, совершенно для меня неожиданно появилось такое заявление Угланова и Куликова, то я, вполне естественно, преисполнился к ним величайшего недоверия, и наши отношения фактически оборвались. Дело, повторяю, было не в самом факте подачи ими заявления, а в той форме, какую они избрали (Я здесь говорю, как всякому понятно, о своей тогдашней психологии). В результате был разрыв, да еще осложненный различными подозрениями. "Подальше от Угланова", - таково было тогда настроение и у меня, и у Рыкова, и у Томского. Потом (в 1930 г.) мы подали свои заявления, но с Углановым я почти не виделся.

Летом 32 года, когда было известное брожение, я, боясь, что Угланов, в силу своей болезне-неустойчивости, вновь колебнется вправо, и что его срыв будет приписан и мне, специально зашел к нему его предупредить (я сам уезжал в отпуск). В сохранившейся у меня копии заявления в ПБ от 7 октября 1932 года сказано по этому поводу:

"Я, зная болезненную неуравновешанность Угланова и опасаясь каких-либо случайных отрицательных влияний на него (с Углановым вне служебной обстановки я виделся за почти 2 года только один или 2 раза), предупреждал его против такой опасности, указывая на абсолютную необходимость дружно "тащить телегу", изо всех сил работать и т.д., несмотря на любые трудности. Но я думаю, что это нужно считать моим элементарным долгом, а не ставить мне этого в вину. Говорил я с Углановым исключительно по своей инициативе, а вовсе не потому, что он искал со мною какого-либо разговора. Против какой-либо иной интерпретации данного пункта я протестую, как против злостной выдумки".

Вот каков был фон действительных отношений в это время. Должен сказать, что после подачи мною и др. заявления я не всегда достаточно резко ставил вопрос о ликвидации всяких остатков групповщины (это относится, главным образом, к молодежи), боясь, что в противном случае я оттолкну людей, а постепенно они все перейдут на правильные рельсы. Об"ективно, таким образом, был процесс изжития различных хвостов плохого наследства 28/29 г.г., а не однократный акт абсолютной их ликвидации.

В свете этих положений рассмотрим показания Куликова. Главным пунктом обвинения против меня служит его рассказ о случайной (как он сам говорит) встрече на улице весной 1932 г. (это дата Куликова, я даты не помню, позднее дело быть не могло, раньше могло).

Коротко содержание этого рассказа таково: Куликов встречается меня случайно на улице, нападает за бездействие и слабость; я иронизирую над его кадрами, говорю: Да где они у вас и т.д. А потом заявляю о решении "правого центра" перейти к террору и передаю конкретную террористическую директиву против т.Кагановича. После этого Куликов, который, по его же словам, кипел и сам хотел выполнять такие директивы, ... уехал в отпуск.

Вот суть этого рассказа, который, как видит всякий, в целом, если бы не было действительно трагической стороны во всем этом деле, годился бы для юмористического журнала.

В самом деле. Посмотрим на все звенья цепи. Исходный пункт - величайшее недоверие с моей стороны к Куликову из-за характера его заявления. Фактический разрыв. Случайная уличная встреча. Нападение Куликова за фактический отказ от продолжения борьбы. И тут же в ответ террористическая директива. И - конец венчает дело - отъезд пылающего жадой "дела" Куликова после этого на покой. Стоит только изобразить этот ход событий, как становится ясным, что здесь выдуманно как раз самое острое, что составляет суть обвинения. Что встреча была, это верно. Что нападал на меня Куликов - тоже верно. Дело было как раз в том, что я действительно прекратил борьбу, что оставались кое-какие хвосты, которые я не рубил с должной силой и определенностью. И тут я не пошел против Куликова в лоб, а стремился внутренне дискредитировать скепсисом его домогательство. При такой установке и при общем недоверии к Куликову как вообще могла явиться означенная директива, ее передача, да еще именно Куликову? Это противоречит настолько тому, что рассказывает сам Куликов о бездействии и т.д. и о случайном характере встречи, что не может быть рассматриваемо серьезно. (Я уже не говорю здесь о гнусном предположении насчет моих якобы террористических установок). Нужно сказать, что даже терминология носит следы подделки. Никогда, даже, когда у нас, тогда правых, в 1928/29 г. фактически была "тройка", не употреблялся термин "центр" или тем более "правый центр". И когда Куликов показывает, будто я говорил ему: "Теперь правый центр решил" и т.д., то ясно видно, что это все "решил" Куликов или какие-либо его друзья, а не "правый"

центр", и не тогда, а теперь, на потребу моего уничтожения.

Не более удачно скомпанован и второй тяжкий обвинительный пункт, а именно пункт о рютинской платформе. Куликов делает круглые глаза и с сожалением на меня посматривает, когда я утверждаю, что рютинскую платформу видел только в ЦК. „Да, ведь, она была основой нашей работы, да что Вы, Ник.Ив.!" И т.д.

Может, она и была основой куликовской работы, но к этой работе я не имел никакого касательства о ней не знал и за нее ни прямо, ни косвенно ответственности не несу.

Как Куликов может здесь меня вообще обвинять? Он видел меня последний раз, по его собственным словам, весной 1932 года: больше мы с ним не видались до того самого дня, когда сошлись на очной ставке. Весной же 1932 г. никто не слышал ни о какой рютинской платформе. Не случайно, что на очной ставке, подробно передавая разговор на улице, Куликов ни словом не упомянул об этой платформе, в связи с этим разговором. Между тем, мы с ним давно не виделись, это должно было бы быть новинкой и т.д., если бы эта платформа тогда была ему известна. Но, следовательно, тогда она была ему неизвестна. А потом он меня не видал. Как же он может удивляться, что я ее не читал? Обо мне у него не может быть сведений. Вскоре я уехал. Что без меня появились какие-то новые явления, и Куликову или его друзьям была доставлена эта платформа, и что, возможно, они ее читали и с ней соглашались, - всего этого я не знаю до сей поры и судить об этом не могу.⁺)

42 К этому вопросу о платформе Рютина я буду еще не раз возвращаться. А теперь перехожу к показаниям Е.Цетлина, которые были мне присланы, и которые мне поэтому легче подвергнуть соответствующему критическому разбору.

Показания Цетлина.

Прежде чем перейти к подробному разбору показаний Е.Цетлина, носящих явно бредовой характер, я должен сказать несколько слов об их авторе. Цетлин был ряд лет (примерно, до начала 1933г.) близким мне и мною любимым человеком, который, в быт-

+) В присланных напечатанных показаниях есть материал для суждения по этому поводу.

ность мою в НКТП, был моим замом и фактическим личным секретарем. Однако, после январского пленума 1933г. у него наметилось по отношению ко мне серьезное внутреннее охлаждение в связи с тем, что на пленуме я не отделил его от слепковцев и ничего не сказал о нем в его защиту в ответ на реплику т.Ворошилова. В связи с этим он уже тогда решил от меня уйти, но я уехал в Нальчик, и вопрос остался открытым. Когда он, подозреваемый в связи со Слепковым и др., был сам арестован(кажется в феврале 1933 г.), а затем выпущен, он вскоре стал осыпать меня оскорбительными письмами и речами, возмущался тем, что я из протеста против его необоснованного ареста не арестовался сам (чтобы все выяснить и способствовать его скорейшему освобождению), что я за него не заступался(это было кстати неверно!!), что я не помогал его семье. С другой стороны, он рассказывал о беспорядках в ГПУ, говорил, что «они у меня все в руках», и если Сталин узнает, то будет им плохо, и требовал, чтобы я устроил ему свидание со Сталиным на этот предмет. При этом все — и устная речь, и письма Цетлина — носили характер явно патологической возбужденности, буквально были на грани ненормального. Его любовь ко мне перешла в ненависть и, несмотря на все мои старания примирить его со мной, он ушел от работы со мной в состоянии глубокой вражды, с оттенком мстительности. Он работал на Урале и вскоре был восстановлен в партии.

43 Прежняя биография у него была отличная (участник октябрьского восстания, гражданск. война, тюрьма в Германии, один из основателей КИМ'а и т.д.). Задолго до своего ареста Цетлин угонял меня рвать всякие отношения с молодежью около Слепкова, говорил, что они гнилые и т.д., обвинял меня в либерализме по отношению к ним (и здесь был, по сути дела, прав). Именно поэтому я тогда, вопреки его мнению, неоднократно за него заступался, даже после того, как по отношению к другим из молодых убедился, что они, действительно, пошли по контр.-рев.пути.

Перехожу к показаниям Цетлина.

Здесь я хочу рассмотреть, прежде всего, два, на первый взгляд, несущественных пункта: 1) о составе группы („школы“) молодых; 2) об архиве (все цитаты по протоколу допроса Е.В.Цетлина от 22.ХП.36г.).

Давая показания о составе группы молодежи, Цетлин почему-то пропускает т.А.Стецкого, К.Розенталя, В.И.Межлаука, который когда-то дружил с Слепковым. Мог ли он забыть? Никак не мог забыть. Всем известно, что названные товарищи, давно отошедшие от группы молодых, выполняют в партии и в аппарате государства важные политические функции, пользуются большим доверием со стороны партруководства и занимают крупные и ответственные посты.

Если бы Цетлин о них упомянул, то это помешало бы ему искажать историю так, как он ее клеветнически искажает.

Итак: есть тут определенная тенденция или это умолчание случайно?

Это умолчание не случайно. Здесь есть определенная тенденция, явная и нехорошая. Она состоит в том, чтобы с самого начала представить группу молодежи, как контр-революционную группу, а меня — как контр-революционера от природы.

Посмотрим, как это связано со смежными проблемами.

Следователь задает вопрос:

"Когда вы примкнули к организации правых?"

44 Ответ: "К организации правых я примкнул в 1926 г., когда приехал в Москву, где сблизился с одним из руководителей этой контр-революц. организации — Н.И.Бухариным" (стр. 1).

Итак: 1) в 1926 году была правая организация,

2) она была контр-революционной,

3) она имела руководителей.

4) одним из этих руководителей был я, Бухарин.

Таковы исторические показания Еф.Цетлина, относящиеся к 1926 году!

Всякий, кто хоть чуточку знает историю партии, без труда видит всю бездонную безграмотность этих утверждений и явную клеветническую их тенденцию. В 1926 г. никаких правых не было вообще; никакой организации антипартийного или даже, даже просто оппозиционного характера, под моим руководством в 1926 г. не было и быть не могло, как это понимает всякий не сошедший с ума человек и не злостный клеветник. В 1926 г. не было даже у меня более тесных личных и иных отношений с Рыковым и Томским;

наоборот, они были от меня дальше, чем другие члены ЦБ. Цетлин вовсе не малограмотен, и здесь нужно просто удивляться его смелости играть роль малограмотного и убогого. Оказывается далее, что "бухаринская школа" еще в 1925 году "фактически выступала против ВКП(б)". Это где? Это по какому случаю? У Цетлина исчезает вся история: если Слепков и др. оказались в тридцатых годах контр.-рев. группировкой, то значит они были уже "готовыми" в 1925 году. Выходит, что люди, помогавшие составлять, например, съездовские резолюции, сидевшие в редакции "Правды", "Большевика" и т.д., люди, которых ответственные товарищи предлагали в состав ЦК, все они тогда уже были контр.-революционерами? А где же история образования и развития правого уклона? Где базис его появления, вопросы, по которым шли разногласия и т.д.? Все это исчезает.

Тенденция ясна: нужно "показать", что с самого начала, чуть ли не со дня моего рождения, я - контр-революционер. Жалкая, клеветническая попытка! Большое падение Цетлина, моральное падение.

Понятно теперь почему вычеркнуты (или не упомянуты) вышеприведенные фамилии? Весьма понятно, и всякие комментарии здесь поистине излишни.

Еще, пожалуй, характернее диалоги по поводу моего архива. Я должен привести прямо поразительные, на мой взгляд, выдержки из протокола допроса Цетлина (стр. 18, 19, 20).

Вопрос: Вам известно, что ваша организация (!!) располагает архивом, в котором собраны документы контр-революционного содержания? Что собой представляет этот архив и где он хранится в настоящее время?

Ответ: В архиве находились следующие документы: проект платформы организации правых, составленный в конце 1928 г.; бухаринские наброски к проекту программы Коминтерна; отдельная папка с материалами по различным вопросам, обсуждавшимся в разное время на заседаниях ЦБ ЦК ВКП(б) и на пленуме (каком? ЦБ) ЦК. Отдельные письма, в том числе и письма от Слепкова, Марецкого и других активистов нашей организации... Хранился этот архив у Бухарина в шкафу".

Далее тов. следователь интересуется, в каком именно шкафу, и вновь повторяет свой вопрос, "из чего именно этот архив состоял" (19).

"Ответ: Архив состоял из нескольких папок, одна папка толстая содержала первый набросок программы К.И. (рукопись Бухарина), второй вариант, частью писанный рукой Бухарина, склеенный с другим печатным текстом и, кажется, окончательный текст программы К.И. Не помню, в форме ли рукописи или печатный. В другой папке были разные письма к Бухарину, сейчас мне трудно вспомнить какие, но там были, между прочим, письма Слепкова и Марецкого, а также и других. Остальной архив - бумаги разного содержания: заметки, наброски, в том числе материалы к апрельскому пленуму ЦК, были тоже в отдельной папке; платформа, составленная в 1928 г. (не помню точно, была ли это рукопись или отпечатанная на машинке), написанная от руки Бухариным листов 17-20 на четвертушках".

46 Я в сущности не понимаю, как мог допустить тов.следователь (да и Еф.Цетлин) такой диалог. Оказывается в число важнейших документов якобы архива контр-рев.организации (а именно этот вопрос был задан) перечисляются: проект программы К.И.; второй его вариант; окончательный текст программы К.И. (обязательной в том числе и для допрашивающего тов.Глебова!); материалы к ПБ и пленумам ЦК и проч.: "заметки, наброски, в том числе материалы к апрельскому пленуму ЦК"! Что это такое!? Ведь, в крайнем случае предосудительной являлась бы "платформа" 1928 г. (о которой как раз Цетлин не помнит, что это было, рукопись или нечто переписанное на машинке; т.е. он забыл - и не мудрено!), да письма Слепкова (если они были) неизвестного содержания. А подавляющее большинство материала, это - материалы КИ (программа!), ЦК и ПБ ЦК. И это смеют называть архивом контр-революционной организации! Далеко можно пойти при таком понимании дела!

Я прохожу мимо злобных характеристик со стороны Цетлина, где известная доля правды в характеристике группы разогревается ненавистью до невероятных размеров и превращается в ложь и клевету, и хочу отметить сначала некоторые сравнительно мелкие ошибки фактического характера:

На стр.3. протоколов говорится, что «в начале 1929г.... к этому времени окончательно оформился... общесоюзный центр организации правых в составе: Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова и Смирнова А.Н. (нужно А.П. Н.Бух.)».

Это не так. Угланов стоял сбоку, а Смирнов (Тома) вообще держался в стороне. Он не был участником разных совещаний, и даже в самом начале оппозиции, помню, уговаривал меня не выступать даже на пленумах ЦК. Я точно никогда и не знал его действительных взглядов в тот период (известно было «вообще», что он весьма право настроен; против него в «Правде» еще давно писали слева не то Марецкий, не то кто-то другой).

47 На стр.4. Возмутительной клеветой является утверждение о «нашей ставке на повстанческое движение» (речь идет о 1929 г.). Я боялся крестьянских восстаний, а не ставил ставку на них. Из-за этой боязни я и проповедывал оппортунистические уступки, чтобы предупредить возможные волнения и сократить их размеры. Что я очень следил за «выборками» и «исследованиями» в этой области, это — понятно: каждый политик должен был следить. Корень всех моих беспокойств был в беспокойном состоянии деревни. Из него я делал неверные, политически — вредные оппортунистические выводы, приведшие меня к тяжелому конфликту с партией и к различного рода антипартийным шагам. Но нужно потерять стыд и совесть, чтоб утверждать, будто я и др. ставили ставку на повстанческое движение ^{крестьян} (даже в 1929 г., т.е. 8 лет тому назад, в период наиболее острых отношений с партией). Но если программу КИ можно почти превратить в контр-революционный документ, то что говорить о такой «мелочи» как эта!!

46

Клевета о блоке с эсерами.

С конца 4 стр. и далее Цетлин сочиняет целую новую, доселе неизвестную мне, тактическую главу в истории правого уклона, а именно главу о якобы проповедывавшемся блоке с эсерами. Оказывается (стр.4) "в связи со ставкой... на повстанческое движение, среди руководящих деятелей правых раздавались отдельные голоса (Слепков, Сапожников, Кузьмин) о том, что в обстановке нарастающих крестьянских волнений неизбежно усиление эсеровского влияния в деревне ^{что} и с этим нам, как реальным политикам, придется считаться и пойти на деловой контакт с ними".

49 "Впоследствии (в 1932-1933 г.) вопрос об отношении к эсерам встал в плоскость организационной связи с ними" (4 стр.). Я пока отмечаю:

а) клевету со ставкой на повстанческое движение (см. выше);
б) клевету о блоке с эсерами (глупость еще в том, что повышение роли эсеров вообще высосано из пальца);

в) передержку с фамилиями: никогда ни Сапожников (над которым всегда все издевались и смеялись), ни Кузьмин (который был где-то в Сибири и очень редко бывал в Москве) не числились в "руководящих", что очень хорошо известно Цетлину.

Но вся лживость утверждений об этих "установках", весь их клеветнический характер выясняется, когда мы переходим к анализу цетлиновских показаний о практических выводах из этих якобы имевшихся планов. Цетлин показывает (на стр.7 протокола):

"Я должен сказать, что уже в октябре 1932г. Бухарин сообщил мне, что по вопросу об установлении контакта с эсерами он говорил с Рыковым и Томским и что этот вопрос не только получил положительное разрешение, но был признан одним из актуальных. Тогда же в октябре 1932г., по предложению т. Бухарина было приступлено к практическим переговорам с лидерами эсеров, бывшими членами ЦК. Эти переговоры велись одновременно по нескольким линиям.

Вопрос: По каким линиям?

Ответ: Слепкову было поручено Бухариным выяснить состояние эсеровской ссылки и место нахождения цекистов Гоца, Тимофеева и М. Спиридоновой".

Сперва остановимся на этой части цетлиновских откровений. Только что (28 сент. - 2 окт.) был пленум ЦК, ^{где} говорилось

64

о вскрытых перед тем контр.-революц. организациях (речь шла о рютинцах, об аресте Слепкова, Марецкого и др., о рютинской платформе и проч.). И вот как раз теперь, очевидно, для возмещения убыли в кадрах, начинаются поиски эсеров ("цекистов"), у которых и за которыми ровно ничего нет (ибо не было никаких сигналов о возрастании роли эсеров, да и в 1932 г. уже были пройдены критические точки трудностей). Уже это одно делает все показания Цетлина чрезвычайно мало вероятными. Но он сам хочет их сделать явно-нелепыми и показать их клеветнический характер во всей красе.

В самом деле. Как мы видели, по Цетлину выходит, что уже (обратите внимание на это "уже"!) в октябре 1932 г. Бухарин сообщил о якобы договоренности с Рыковым и Томским на предмет эсеров.

После этого ("тогда же в октябре" ., т.е. очевидно, уже не в первых числах октября) я, Бухарин, по словам Цетлина, поручаю Слепкову связаться с эсерами.

Однако, здесь то и получается громаднейший конфуз. Ибо Слепков и др. были арестованы гораздо раньше. Они были арестованы до пленума ЦК. Пленум ЦК происходил 28 сент. - 2 окт.! Я из отпуска приехал после пленума, если не ошибаюсь, 6 октября, когда Слепков и др. уже сидели.

Существует постановление ЦКК ВКП(б) от 9 октября 1932 г., коим Слепков, а также Рютин были исключены из партии (эти постановления отпечатаны) уже на основе их ареста. На самом пленуме об этом шла речь, и поэтому я, еще не зная всего дела, тотчас же по приезде подал заявление в ПБ, которое датировано 7 октября 1932 г.

Так как же это я мог давать поручения давно уже арестованному Слепкову? Не ясно ли, что это - не только клеветническая стряпня, но и неряшливая клеветническая стряпня, которая у каждого мало-мальски об"ективного человека подрывает всякое доверие и всякое уважение к показаниям Цетлина.

Таким образом, доказано, что цетлиновский тезис о поручении Слепкову рушится и подрывает самым основательным образом и свои послышки, т.е. рассуждения о блоке с эсерами вообще, о ставке на повстанческое движение и тому подобную чепуху.

48

Но протокол дает мне в руки и другие аргументы по данному вопросу.

Оказывается далее, что

"сам Бухарин имел в виду, через бывшего эсера Семенова, - с которым он был близко связан(!), выявить подходящих людей, через которых тоже можно будет вступить в переговоры с Тимофеевым и М.Спиридоновой" (стр.7).

На стр.8 читаем:

"Бухарин мне говорил, что при помощи Семенова организации правых удалось собрать нужные сведения о составе эсеровской ссылки в средне-азиатских и уфимской местностях(!!), где были сконцентрированы крупные силы из эсеровского руководства.

На основании этих сведений уже по линии Слепкова и Смирнова вели переговоры с лидерами эсеров Гоцем и Тимофеевым".

Разберем пока эти перлы.

Во-1) Малограмотно и неумно выбирать для клеветы о поисках эсеров Семенова. Семенов фактически выдал советской власти и партии боевые эсеровские группы. У всех эсеров, оставшихся эсерами он считался "большевистским провокатором". Роль разоблачителя он играл и на суде против эсеров. Его эсеры ненавидели и сторонились его как чумы. Как же это Цетлин не сообразил?

Во-2) Малограмотно выражаться "чекисты Гоц, Тимофеев и М.Спиридонова", ибо здесь - разные партии. Вряд ли Цетлин мог это позабыть.

В-3) Обращаться к М.Спиридоновой вообще мог только сумасшедший, ибо она была психически больна, как это было давно мне известно от чекистов.

В-4) (самое интересное): Слепков (арестованный!) оказывается, продолжает действовать и много позднее; в самом деле: я даю, по Цетлину, поручение Семенову (в октябре, очевидно, уж позднем), потом проходит период розысков, потом Семенов приносит сведения; а затем Слепков ведет переговоры. Недурная картина? А Слепков и не знает, какими сверхбожественными и чудесными качествами награждает его Цетлин!

Так рушится и эта клевета, о Семенове, эсерах и Слепкове, что бы ни показывали заинтересованные лица. Нельзя пройти мимо чудовищного обвинения меня в том, что я, якобы, давал Семенову террористические директивы. Здесь клеветничество

Цетлина (во всяком случае по протоколу) достигает своего бешенства.

К этой клевете Цетлин подползает через соответствующие ответы на соответствующие вопросы с постепенностью.

Цетлину задают вопрос:

"О каком Семенове идет речь?"

Ответ: Семенов - бывший руководитель боевой организации эсеров, осуществивший террористическое покушение на Ленина, а также убийство Урицкого и Володарского" (стр.8).

На стр.9 "вопрос" тов.следователя формулирован так:

"Какие еще подробности о характере связи Бухарина с эсером Семеновым вам известны?"

По этому поводу можно только возмутиться. Здесь умолчано о том, что Семенов был коммунистом, членом партии. На Ленина покушалась Каплан. Урицкого убил Канегиссер, Володарского - не помню кто. Семенова я защищал по постановлению ЦК партии. Партия наша считала, что Семенов оказал ей большие услуги, приняла его в число своих членов. Но я встречал Семенова, вопреки Цетлину, крайне редко и случайно, в Кремле он у меня не бывал, и никаких вообще поручений ему не давал, а что до террора, то повторяю, я с возмущением и негодованием отвергаю всякие разговоры на этот счет.

Далее, на стр.8, Цетлин продолжает:

"Кто персонально вел переговоры с Гоцем и Тимофеевым, я не знаю, могу лишь сообщить, что переговоры Слепкова (арестованного!) и Смирнова А.П. с эсерами Гоцем и Тимофеевым велись через ряд посредствующих звеньев, состоявших из тщательно проверенных людей.

Вопрос: Кто эти посредствующие звенья?

Ответ: Они мне неизвестны. Знаю только, что эти переговоры велись в октябре-декабре 1932г." (далее сообщается, что цель была достигнута).

+) Если я не ошибаюсь, Семенов довольно долгое время был в Китае, на секретной работе. Сам Цетлин заявляет: "Я помню (в 1928г.) я видел Семенова у Бухарина, а затем больше не встречал" (стр.9). Если бы я часто видел Семенова, то это не могло бы идти помимо Цетлина. Это очевидно для всех.

Здесь опять полно белых ниток. Во-первых, Слепков фигурирует уже даже в декабре (а сидел он уже в сентябре!) Но он все же, оказывается, цели "достиг"!!! Во-вторых, как же это Цетлин не знает, что за звенья? Ведь Цетлин был самым близким мне человеком, замом и секретарем. Уж ему то знать было - первое дело, если б что-либо было. Но он назвать здесь ничего не может, потому что все это - миф. В-третьих, кто же "тщательно проверял" людей? Слепков, который сидел? Или кто? Или я, который якобы поручал Семенову совершать терр. акты и извещал об этом Цетлина (стр.9), но "звеньев" ему не доверял? Со Смирновым я ни разу ни о каких эсерах не говорил. Какой сущий вздор! Какая наглая и циничная ложь! (Или бред?).

ПРАВЫЕ И ТРОЦКИСТЫ.

Цетлин сообщает:

"Мне известно, что, начиная с 1929 г. центр нашей организации в лице Бухарина, наладил прочный организационно-политический контакт с троцкистами, в лице Пятакова и зиновьевцами в лице Каменева, Зиновьева и Сокольниковца... Начало этому было положено совещанием, состоявшимся в Кремлевской больнице в 1928г., во время болезни Пятакова" (стр.14). Это то самое свидание, когда я прочитал "платформу", а Пятаков о ней сообщил, а я про это вскоре узнал. Это - начало "тесного контакта". Вранье № 1.

На следующей (15 стр.) говорится:

"В конце того же 1932 г. Бухарин сообщил мне, что наша организация находится накануне больших событий, так как в результате состоявшегося об"единения троцкистов, зиновьевцев и правых, предполагается повсеместная активизация борьбы и что в недалеком будущем мы придем к власти". И тут же снова о терроре.

Вдумаемся в дело. Поздним летом 1932г. арестована вся "наша организация" ("молодежь"), арестованы рютинцы, выслан (повидимому) Угланов - а "наша организация" "находится накануне больших событий". Да кто же это такие? Ведь, нужно же знать меру во вранье! Повторяю здесь еще раз: мне неизвестно, были ли связаны слепковцы с рютинцами (мне известны только парт-

решения, а не я сам знал). Но все это может относиться ко времени до ареста этих людей. А Цетлин говорит о "ноябре или декабре 1932 года"! (см. стр. 15, строка 12 сверху). Вранье, явное, № 2.

Далее. На той же 15 странице говорится, что переговоры "в конце 1932 г. велись Бухариным и Томским с Каменевым, Сокольниковым, а также с Радеком и Пятаковым".

Опять вспомним (непреложные факты. Постановлением ЦКК ВКП(б) от 9 октября 1932 г. Зиновьев и Каменев были исключены из партии и, кажется, высланы из Москвы. А Цетлин, ничтоже сумняшеся, говорит о свиданиях на квартире Бухарина и на даче Томского. Это он говорит не о 1929 годе, а о конце 1932, когда Зиновьев и Каменев были, повторяю, уже исключены из партии. Радек показывает, что он вошел в связь со мной на предмет контр-революции только в 1934 году (тоже вранье, но другое, и это, радековское, вранье, исключает вранье цетлиновское и наоборот). Куча вранья № 3.

Далее, на стр. 16, сообщается, что опять таки "в конце 1932 года" состоялось террористическое совещание на квартире Астрова, где я, Бухарин, будто бы произнес контр-революционную речь лично против Сталина.

И здесь то же. Ведь к концу 32 года весь "актив" сидел арестованным. Как же он мог быть у Астрова? Вранье № 4.

ВОКРУГ РЮТИНСКОЙ ПЛАТФОРМЫ.

Здесь точно так же целый воз несусветного лганья. Разберем все по пунктам.

Во-1) Цетлин утверждает, что он сам платформы не читал, а знает о ней и о ее содержании лишь с моих, Бухарина, слов. Это для всякого, знавшего наши отношения, звучит, как злостная неправда. Все шло от меня через руки "Ефима". Если бы у меня была бы платформа, она не могла бы миновать рук Ефима. Но ее у меня не было.

Во-2) Вопрос о сроках. До моего отъезда в отпуск в Среднюю Азию не было никаких слухов ни о какой рютинской платформе. Я приехал из отпуска 6 октября (Ефим был в это время в Москве). К этому времени слепковцы и рютинцы уже сидели арест-

тованными. Когда же я и др. "одобряли" еще не пущенный в оборот документ? И как же это, если он проходил через стадию "одобрения", его не видел Цетлин?

В-3) Цетлин утверждает, что он обратился ко мне с вопросом, почему платформа (стр.17 его показаний) выпущена, как рютинская, как групповая, на что я де ему ответил, что это - в целях конспирации. Не ставя вопроса о достоинстве самого ответа, я ставлю другой вопрос: кто знал наши отношения, тот никогда не поверит, чтобы Цетлин меня спрашивал, якобы не будучи никак в курсе дела. Если бы действительно я знал о платформе, ее одобрил и т.д., то "первым советчиком, как выпускать и т.д., был бы Ефим. Но этого ничего не было вообще.

Повторяю здесь то же, что говорил раньше: я рютинскую платформу видел только в ЦК, когда мне ее показал Сталин. Если бы я был против партии, я сам бы писал платформу, а не ходил бы по рютинской. Рютина я видел только в самом начале оппозиции, потом он отошел и исчез, и я ни разу его нигде не видел и никаких "указаний" ему давать не мог.

О ПЛАТФОРМЕ 1928 ГОДА.

Верно, что я был в больнице у Пятакова.

Верно, что там сидел Каменев.

Неверно, что было "совещание".

Верно, что я прочитал платформу.

Факт, что Пятаков об этом сообщил в ЦК.

Факт, что я (при обсуждении вопроса в ПБ) это узнал по некоторым специфическим выражениям.

На этом "платформа" приказала долго жить.

Тов.следователь задает Цетлину (стр.18) вопрос:

"В каком количестве экземпляров была размножена эта платформа? Была ли она распространена?"

Ответ: Платформа не была размножена из соображений конспирации".

Я ни в малой степени не собираюсь прикрывать грехи 1928/29 годов. Но я должен сказать, что платформа, которая никак не распространяется, фактически есть нуль. Но это - 1928 год.

Еще раз террор, дворцовый переворот и
прочие бредни, Кузьмин, Сапожников и т.д.

Дикой клеветой является вся выдумка о терроризме чуть ли не всех участников группы, да еще относимом к весне 1929 года (стр.11). Я узнал, о каких-то бывших разговорчиках 1) из показаний арестованных (речь шла, если не ошибаюсь, о В.Кузьмине) и 2) из показаний Астрова в связи с конференцией, и из показаний Сапожникова. И то, и другое было мне показано т.Сталиным (в марте 1933 г. и много позднее, когда я однажды был вызван в Политбюро). Кузьмин редко бывал в Москве; мне в свое время (года не помню, что-нибудь около 1931) передавали, что Кузьмин заявил где-то, что не будет подавать мне руки (за мое партийное поведение), Сапожников всегда занимал особое место: над ним смеялись все, кому не лень, всерьез никто к нему не относился никогда. Это Цетлин прекрасно знает. Более того, во времена оппозиции Цетлин советовал мне держаться подальше от Сапожникова, как "ненадежного" в правом отношении. А в показаниях он Кузьмина и Сапожникова делает центральными фигурами. Все одно к одному: фальшь и ложь на фальшь и ложь. В частности никакого совещания 'Слепков + Сапожников + Цетдин, на котором велся якобы разговор о терроре, вовсе не было.

56 Что можно сказать насчет "Дворцового переворота"? Да еще двух вариантов? (это Цетлин относит к 1930 г.). Кто же готовил этот переворот? Какие люди были втянуты? Оказывается, что все оказалось мыльным пузырем, по Цетлину. Почему же потерялись "надежды"? Кто пробовал и как их осуществить? Ведь, Цетлин бы прекрасно знал об этом? Ни слова. О терроре ни с кем я никаких разговоров не вел, не вел их и с Ефимом, который об этом рассказывает.

Цетлин хорошо знал, что я всегда боялся даже простой фракционной борьбы, постоянно удерживал от ее развития. Что в самом начале оппозиции у меня было чувство горечи, обиды (я не понимал тогда своей вины), резкой оппозиционности, враждебное чувство к руководству - это верно. Что я делал легкомысленно - прегрешения шаги - тоже верно. Что позиция правых

в своем развитии привела бы к победе контрреволюции, - все это тысячу раз верно. Но когда теперь пытаются (и Цетлин) изображать дело так, что я был террористом, повстанцем и т.д. - я не могу не протестовать всеми силами; когда хотят меня изобразить двурушником (за последние годы) - я не могу не протестовать всеми силами; когда ^{меня} ~~когда~~ ^{со}ближают с подлецами зиновьевско-троцкистского толка я не могу не протестовать всеми силами.

От клеветы всегда что-нибудь остается. Если кому-угодно показать показания Радека, Цетлина других клеветников, и если эти люди не знают деталей хронологии и т.д., они придут в ужас - и понятно; если такие документы показать свидетелям, другим-подследственным, подсудимым и т.д., они будут неизбежно идти по этим же дорожкам. Я все это понимаю. Но тем больше я буду давать отпор всему этому потоку. Многие на меня просто злы: я от них давно ушел, их осудил. Так теперь можно легко мстить...

+

+

+

55 16.П, в 6½ час. вечера я получил 20 различных показаний (к сожалению не получил важных, вероятно, показаний А. Слепкова, Айхенвальда, Д. Марецкого, упомянутого выше Семенова и др.). Понятно, что не располагая временем, необходимым даже для беглого анализа этой груды материалов, я не могу дать исчерпывающий ответ, и это не моя вина. Между тем подозреваемый или обвиняемый имеет право на изучение всех относящихся к нему материалов и это есть элементарная норма всякого (и официального государственного, и партийно-политического) судопроизводства.

О большом количестве клеветы. Большое количество унифицированной клеветы со стороны правых об"ясняется следующими обстоятельствами:

почти все клеветники (весьма многие из них) сидели, сидят или подвергались др. репрессиям;

я давным давно от них (" молодежи ") отрекся и публично называл их деятельность контрреволюционной;

они читали газеты, имели перед собой 2 процесса и две порции расстрелов;

они знали, что меня обвиняют в самых ужасных преступлениях; к ним применялся метод: "нам уже известно", "такие-то уже показали", "следствие требует полного признания" и т.д.

(Что это так, приведу хотя бы пример из допроса Левиной: "Следствие располагает данными, что вы были осведомлены о том, что рютинская платформа составлялась с ведома центра правых"... протоколы стр.22. "Мы располагаем данными, что вам об этой (террорист Н.Б.) деятельности не только было известно, но что вы лично в ней принимали участие" - прот. допроса Зайцева от 24-27.ХП;

58 "Матерьялами следствия вы изобличаетесь в том, что длительное время активно боролись против ВКП(б) и советской власти. Следствие требует"... и т.д. - протокол допроса Афанасьева от 23.ХП.1936 г. и т.д. Таких-и еще более ярких - примеров целое множество. Сами по себе такие вопросы вполне допустимы и необходимы, но вся беда - в сложившейся об"ективной обстановке. Точно так же обстоит дело и с пред"явлением показаний других, как это не трудно видеть по протоколам). Прошло два процесса: в связи с одним - про меня сказано: "нет юридических данных"; но на втором снова показания против меня, да какие! Вся атмосфера после речей Радека такова, что, если бы я пошел на демонстрацию, то, при возбуждении злобы против меня, меня могли бы линчевать. Сидящие, вероятно, считают, что вновь арестованы из-за меня. (Не говорят ли иным, что я в чем то сознанся и на них показываю? И это возможно).

В таких случаях человек здесь по отношению ко мне, в теперешней обстановке почти неизбежно оговаривает^{врет}, в огромнейшем большинстве случаев он, подчеркиваю, в такой обстановке, будет не говорить правду, а чернить меня (иначе подозрение в неискренности). Мне, например, сейчас трудно было бы найти свидетеля защиты (каждый думает: к чему связываться?!); а если человек просто молчит, не говорит, значит он "покрывает". Чтобы не быть заподозренным и в укрывательстве, он говорит. А так, как он прекрасно знает, о чем "нужно" говорить (ибо обвинения, сформулированы и гуляют через газеты по всему миру, как якобы почти доказанные), то он и "формулирует", тем более, что речь идет об ответах на весьма определенные вопросы, прямо задаваемые следствием. Таким образом, повидимому, возникает 1) большое

количество показаний, 2) их - в ряде пунктов - однотипность. Это не значит, что здесь не может быть противоречий. Полной согласованности, в особенности, по конкретным вопросам, достигнуть трудно. А противоречия часто (не всегда, конечно) раскрывают лживость показаний, что вскрывается их критическим анализом (и на что, повторяю, требуется время и минимум спокойствия).

Об исторических периодах и специально о двурушничестве. Необходимо сделать еще одно общее замечание в связи с той ложью, которая содержится в показаниях.

Я считаю, что в возникновении, развитии и ликвидации правого уклона было три периода:

59 1 период: от 28-1930 г.г. (семь - девять лет тому назад!). Это был период возникновения правого уклона и борьбы с партией. Эта борьба, однако, не была со стороны "тройки" борьбой с дискуссией по районам и т.д.: все документы "тройки" вносились в ЦК (на пленумы или в Политбюро). Собrania членов ЦК и др., вовсе не были, как изображается теперь в показаниях, все нелегальными и конспиративными: они большей частью были в Кремле, где всегда имелся достаточный контроль и все знали, кто к тебе ходит, и кто от тебя уходит. (У меня, и у Рыкова была еще охрана из чекистов). Я этим отнюдь не хочу умалить фракционности этих совещаний, но я уточняю их действительный характер в моменты рождения правой оппозиции. У меня бывали и правые из молодежи и я часто бывал у них. Потом выделилась (без всякого оформления) "тройка" (я, Рык., Томский). Об этом все знали. В официальных партийных документах она фигурирует, как "группа тов. Бухарина" (т.е. группа членов Политбюро). Никто этого не скрывал. А теперь следователи ставят по отношению к тому времени вопросы вроде: кто входил в правый центр контрреволюционной организации? Это ли не издевательство над историей? Здесь думают по шаблону; к контр-революции известная часть правых скатилась, это верно. Но это - другое дело.

Борьба велась "тройкой" до 1930 года. Была организация сил, выступления правых на периферии и т.д. Неожиданно для "тройки" (а вовсе не по соглашению, как значится в некото-

рых показаниях) в конце 1929 г. подали заявление Котов, Михайлов, Куликов + Угланов, последние двое с резкой мотивировкой против Бухарина, Рыкова, Томского персонально. В 1930 году тройка капитулировала.

II период: от 1930 до 1932 г. включ. Этот период был периодом полного изживания прежних взглядов и ошибок, изживания борьбы против партии и т.д. В нем были элементы известной двойственности. Если подходить не формально, а по существу, то не трудно понять, что для внутреннего психологического переворота необходим известный период, что сдача (капитуляция) не может не быть началом этого процесса: сдача знаменует перелом, за которым дело, так сказать, доделывается. За это время я помогал, напр., Рыкову и Томскому при составлении речей на пленумах ЦК и т.д. Из теоретико-политических вещей для меня не ясен был вопрос о стимулах в сельском хозяйстве (до законов о советской торговле). Я смотрел сквозь пальцы на групповщину у молодежи, на разговоры о том, что все же кадры нужно попридерживать: я лишь иронизировал по поводу "кадришек", думая, что если я займу здесь крутую линию, то от меня все люди уйдут, а так они логикой вещей убедятся и постепенно все придут к партийной позиции целиком. Когда меня стали на собраниях и в резолюциях называть контрреволюционером, был случай, что Слепков отказался признать меня таковым, на этом вопросе дал бой, получил в каком-то Самарском вузе большинство. Потом в связи с этим началась была целая кампания. Я не считал себя контрреволюционером. Но я сказал, чтоб люди перестали выступать и не вели борьбы и согласились называть меня как угодно. Здесь у меня был и личный момент: я вовсе не хотел, чтобы люди страдали за меня и из-за меня. В то же время - не скрою - заступничество за меня привязывало меня к этой молодежи, и все это мешало рассасыванию остатков групповщины. Огромное значение лично для меня имело законодательство о советской торговле, ибо тогда мне все стало абсолютно ясно. К этому времени, я помню, относится мой разговор со Слепковым, где я говорил, что партруководство доказало свою большую маневроспособность (в хорошем смысле практической диалектики); что из ситуации было выжато все, что можно, а теперь, в связи с советской торговлей, издаются, на достигнутых предпосылках, прочные основы мощного под"ема;

что нужно без всяких оговорок бешено работать с партией и т.д. И Слепков со мной согласился, так же, как и Розит, который давно вел такую линию (как он мне говорил, и я думаю, что это было правдой).

61 В таком положении, когда я меня не было никаких неясностей, я уехал в отпуск. А когда приехал, оказалось, что Слепков, Марецкий и К^О арестованы, что обнаружена рютинская платформа и т.д. и т.п.: очевидно, что "молодые" меня обманули, вырвались и пошли по своим путям.

III период: от 1932 по сие время. Бывшие связи, даже личные, прекращаются: молодых я открыто политически осудил, физически они тоже были далеки. (Одни из них сидят, другие - работают вне Москвы); с Томским и Рыковым они становятся все реже; в 1934 году - почти ничего. В 1935 году ни одного раза. В 1936 г. - ни одного раза. Это - период дружнейшей и безоглядной работы с партией, быстрого возрастания глубокого уважения и любви к партийному руководству, - вместо озлобленности первого периода. Вот действительное положение вещей. Все многочисленные гнусные показания о терроре, блоках с троцкистами, даче террористических и вредительских директив якобы существовавшим правым центром, - все это - подлейшая клевета, перепуганных людей, которые делали что-то контрреволюционное помимо меня и вне моей о том осведомленности, может быть, в связи с Углановым и кем либо - еще; а Угланов, очевидно, действовал "для авторитета" и моим именем (с ним я, как сказано не виделся с лета 1932 г.).

В этот период у меня не было уже ни малейших признаков двойственности в отношении к партии и партийному руководству; я и о прошлом не могу говорить о двурушничестве в собственном смысле слова: ибо двурушничество есть маскировка для обостряющейся или остающейся прежней антипартийной позиции по существу, а у меня все развитие шло в сторону изживания всех неясностей и остатков старого и давно уже ни в мысли, ни в действии не осталось следов бывшего тяжелого наследства.

Теперь я постараюсь - ограниченный немислимо коротким временем - ответить на некоторые основные вопросы, поскольку обнаруживается гнусная ложь показаний правых контрреволюционных клеветников.

О рютинской платформе.

Вопрос о рютинской платформе принадлежит к числу очень важных вопросов, потому что по нему, по ответу на то, кто ее авторы и т.д., можно судить о политических ориентациях ряда лиц.

Один из специалистов клеветы против меня, В.Астров, который с особым удовольствием делает сенсационные "разоблачения", говорит по поводу авторства платформы следующее (протокол, стр.19):

"Рютинская платформа по существу явилась документом не Рютина, а центра правых... В частности Слепков сказал, что рютинская платформа также, как и наше решение (речь идет о решениях т.наз. "конференции", Н.Б.), содержит в себе требование применения в борьбе против руководства ВКП(б) всех средств, вплоть до террора. (Кстати сказать в материалах о конференции, которые были мне показаны в 1933г., ничего подобного не было, а были показания самого Астрова о каких-то пьяных разговорчиках на вечеринке Н.Б.). Слепков далее сообщил, что главными авторами рютинской платформы были Рыков, Бухарин, Томский и Угланов и что было обусловлено в случае провала изобразить этот документ, как документ только Рютина, дабы не поставить под удар руководящую верхушку правых".
Версия № 1.

Теперь берем Угланова (протокол допроса от 23 сентября, стр.5):

"Вопрос: К какому времени относится появление т.н. Рютинской платформы?

Ответ: К лету 1932 г.

Вопрос: Кто являлся непосредственным автором этой платформы?

Ответ: Непосредственным автором платформы были Рютин, Галкин, Каюров".

Версия № 2.

Цетлин (протоколы, присл. из ЦК, допр. от 22.XII.36, стр.17).

"Этот составленный Рютиным документ был выпущен после одобрения Бухарина и других членов/нашей организации".
центра/

Версия № 3.

Куликов: "Программный документ организации, т.н. рютинская платформа, был выработан не только правыми, как это мы хотели изобразить. В выработке этого документа принимали участие по договоренности с нами троцкисты, зиновьевцы и леваки".

И ниже: "Т.н. рютинскую платформу я не читал".

(Затем Куликов подробно ее излагает "со слов Угланова").

Версия № 4.

Наконец, берем показания Зайцева (протоколы от 24-27.ХП, стр.11):

"На мой вопрос о "рютинской платформе" Угланов подтвердил сказанное мне Слепковым, что составление платформы - дело рук правых, что в нем принимали участие, как выразился Угланов, "наши ребята", что, в частности, к нему дважды приходил по этому вопросу Слепков".

И ранее, со ссылкой на Слепкова:

"Слепков подтвердил наличие платформы и сообщил, что непосредственными авторами ее являются Рютин, он - Слепков и Марецкий, но что "вожди" также знают эту платформу, в частности, ее читали и одобрили Бухарин и Томский. Относительно содержания платформы Слепков сказал, что оно соответствует выводам конференции" (проток., стр.10).

Версия № 5^х).

Итак: Угланов заявляет, что авторы - Гютин, Галкин, Какров. Куликов, будто-бы со слов того же Углanova, утверждает, что это - плод коллективного творчества троцкистов, зиновьевцев, леваков и правых. Зайцев, якобы со слов опять таки того-же Углanova, говорит о "наших ребятах", в том числе Слепкове и Марецком.

Цетлин говорит об одном Рютине, но говорит об одобрении ее Бухариным и др.

В.Астров, якобы со слов Слепкова, сообщает, что главными авторами являются Бухарин, Рыков, Томский и Угланов.

Наконец, Т.Левина (человек очень близкий Слепкову, работавшая с ним в той же Самаре) говорит, что ей ничего не было известно ни об отношении "центра правых", ни о прикосновенности к авторству Слепкова (протоколы, стр.22).

Куликов подробно ее излагает, но заявляет, что он ее не читал. Цетлин утверждает, что она получила мое одобрение, а он, Цетлин, ее не видал (хотя он был моей правой рукой).

х) В полученном мною 19.П.37 протоколе допроса Я.Стэна есть еще новый вариант: авторами платформы здесь называются неведомые мне правые профессора ИКП во главе с неведомым мне Рохкиным, при чем якобы было благословение мое, Рык., Томского.

Особенную старательность проявляет Астров, который бьет прямо в лоб, как и в других вопросах, об "являя меня и проч. главными авторами. А, с другой стороны, рвение проявляет Куликов, об "являющий платформу платформой целого огромного блока троцкистов-зиновьевцев-леваков-правых и продуктом их коллективного творчества.

Афанасьев (протокол допроса от 23.XП.36) показывает о рютинской платформе:

"В августе 1932 года эту платформу к Угланову для согласования принес Галкин. Я был тогда в квартире Угланова и хорошо помню, что уходя Галкин платформу прятал на животе под брюками".

Итак, первый раз Галкин принес к Угланову эту платформу для согласования в августе (это подтверждает и Угланов, прот., стр.6). Меня, Бухарина, в это время в Москве уже не было.

Далее, Угланов сообщает:

"В сентябре 1932г. в Болшеве у Томского собрались - Томский, Рыков, Шмидт В.В. и я - Угланов. Я сообщил собравшимся, что платформа уже выпущена и изложил им ее содержание". (проток., стр.6).

Из этого вытекает:

- 1) что меня на этом собрании не было (я был в Азии);
- 2) что, даже если такое собрание было, и там шел разговор о платформе, то никто из присутствовавших (за исключением Угланова) не мог быть ее ни главным, ни второстепенным автором. Ибо: в противном случае, зачем было бы Угланову оповещать о выходе платформы и рассказывать ее содержание?! Разве авторам рассказывают содержание их статей? А авторам платформ - содержание их платформ?

Я приехал в начале октября (если не ошибаюсь, 6 октября, после двухмесячного отпуска и с опозданием из-за задержки в горах). В Москве в это время произошел арест рютинцев, Слепкова и К⁰ и т.д., и на Пленуме ЦК уже шла об этом речь. Как же я мог эту платформу видеть? У кого? Искать ее у знакомых арестованных? Или как?

Вышеприведенное с полной ясностью доказывает:

- 1) что никто из бывшей тройки не мог быть ни прямым, ни косвенным ни автором, ни соавтором платформы Рютин и К⁰;
- 2) что я этой платформе не видел в глаза (мне ее показывал позднее тов. Сталин в ЦК и только там, у Сталина, я ее и видел).

Отсюда, очевидна, вся бездонная глубина мерзости в показаниях Астрова и Зайцева, кои хотят изобразить меня одним из главных авторов этой платформы или ее редактором. Так же, как Сокольников и К^о, так же как и Радек, они лгут изо всех сил, лишь бы произвести впечатление искренности, хотя у них одна подлость.

Так же гнусно и поведение Е.Цетлина, который рассуждает о рютинской платформе якобы с моих слов: он то был все это время в Москве, и если бы я имел к этому делу хоть какое-нибудь отношение, то он то об этом знал бы все до последней запятой.

Но вышеприведенные показания Угланова в корне подрывают всякое доверие к его дальнейшим рассуждениям, а именно, что Рыков и Томский сразу же, со слуха, одобрили (после рассказа Угланова!!) эту платформу, особенно за террор. Поистине, подходящий метод обсуждения и принятия платформы!

Таким образом, я, помимо общего категорического отрицания какого бы то ни было существования тогда правого центра, установки на террор, положительного отношения к рютинской платформе, на конкретных фактах и на показаниях самих клеветников разрушаю их подлую клевету.

66 Я слышал позднее от Цетлина как раз, что Томский интересовался платформой с той точки зрения, что боялся, как бы она провокааторски не была бы приписана бывшей тройке. Я, когда ходил к Угланову перед отъездом (об этом было выше) тоже предупреждал его, внутренне боясь какой-нибудь провокации. Я знал, что около него крутится некий Ванька Коротков, который однажды был у меня с подозрительными разговорами: я его выгнал, а не донес на него потому, что знал о его специфической службе: было позабыто, что я его вместе с Дзержинским вводили в партию и определили на специальные виды работы. Ходили слухи, что он принимал горячее участие в выработке заявления Угланова-Куликова (а, с другой стороны, мог толкать и на борьбу против партии, неверно понимая свою роль). Угланов и Куликов давали террорист. директиву против т.Кагановича Афанасьеву. А Афанасьев считал, что около Куликова и Котова есть предатель (протоколы, стр.7).

63

Конференция слепковцев.

В числе многих вопросов, стоящих в связи с показаниями клеветников, существенным вопросом является вопрос о конференции слепковцев поздним летом 1932 года, т.е. примерно в то же время, когда выплыла на свет божий пресловутая рютинская платформа.

Вот, что показывает Зайцев об этой сентябрьской конференции (проток., 24-27 сент. 1936 г., стр. 9):

"Мне совершенно ясно сейчас, что данная конференция являлась сборищем подлинных, вполне законченных буржуазных реставраторов, террористов".

Должен чистосердечно заявить, что с этими выводами конференции я был согласен целиком.

Вопрос: Какова была роль Бухарина в этой конференции бухаринцев?

Ответ: Слепков мне говорил, что этой конференцией руководил Бухарин. Впрочем до этого Петровский мне также передавал, что Бухарин виделся с рядом участников этой конференции и был им очень рад".

Вопрос: Выступал ли Бухарин на этой конференции?

Ответ: Этого точно я не знаю".

Итак, Зайцев утверждает, что

- 1) я был около конференции,
- 2) я ею руководил,
- 3) я виделся непосредственно с ее участниками,
- 4) был им очень рад,
- 5) неизвестно только, выступал ли сам,
- 6) что о моем руководстве говорил ему, Зайцеву, Слепков,
- 7) что я встречался с участниками конференции и что об этом сообщил ему, Зайцеву, П. Петровский.

67 Как видим, чистосердечный Зайцев говорит вполне определенные вещи о том, как Бухарин руководил "сборищем подлинных, вполне законченных буржуазных реставраторов, террористов". Т.е. - вывод: Бухарин - руководитель. Поэтому Зайцев, подражал некоторым виновьям, в конце одного из протоколов, проклиная час, когда со мной встретился и требует уничтожить его, Зайцева, как гадину.

Но беда "чистосердечной" "гадины" в том, что во время конференции я был или на ледниках Тянь-Шаня или во Фрунзе, во всяком случае не в Москве. И поэтому мне нельзя было ни

руководить конференцией, ни видаться с ее участниками, ни радоваться им. Зайцев гнусно, воровски, разбойнически на меня налгал; не знаю, налгал ли он на Слепкова и на Петровского, или они все лгали, - это дела не меняет. У меня нет сейчас непосредственного интереса к тому, чтобы разбирать внутренние дела лжесвидетелей: достаточно с меня того, что и это важнейшее показание против меня рушится, как гнусная клевета на основании сопоставления с непреложными фактами, которые можно всегда проверить с абсолютной точностью (я приехал 6 октября или около этого числа).

Всякий добросовестный человек скажет после этого, что таким людям верить нельзя ни на йоту. При спросе на показания о терроре они лгут о нем с невероятной готовностью и невероятным усердием. Если они могут так нагло и цинично лгать о террористической платформе Рютина, приписывая ее мне (Астров); если они могут так лгать о конференции слепковцев, приписывая руководство ею тоже мне, то скажите, почему они не могут лгать по другим вопросам, о терроре, вредительстве и прочем, по коим меня уже оболгали умудренные большим опытом и еще более квалифицированные лжецы из троцкистского лагеря?

Об этом нужно, прежде всего, помнить всем, кто призван решать мое дело.

О "центре".

Выше мы видели, что в период борьбы против партии у правой оппозиции была руководящая "тройка" (Бухарин, Рыков, Томский), которая после капитуляции (1930) самоликвидировалась. Оставались известное время лично-политические связи, потом они стали тоже таять и затем совсем исчезли. Вот правда, а не провокационная ложь, которой набиты показания лжесвидетелей.

Но я должен отметить, как эта подлая лживость показаний все же прорывается неожиданно для их авторов.

Остановлюсь здесь на вопросе о составе "центра" по этим показаниям (кстати, вопрос о "центре" неизменно предлагался допрашиваемым со стороны следствия, и при том в форме, предрешающей характеристику одного "центра", как контрреволюционного).

Некоторые из показаний говорят о Бух-не, Рыкове и Томском.

Другие прибавляют сюда еще Угланова.

Затем идут следующие варианты:

Козелев (протокол допроса от 25.ХП.36) стр.2).

"Вопрос: Вам известен персональный состав союзного центра организации правых?"

Ответ: Да, известен.

Вопрос: Назовите его.

Ответ: В состав союзного центра организации правых входили Бухарин, Рыков, Томский, Шмидт В., Угланов, Сырцов".

Котов (протокол от 5.П.37) заявляет:

"В 1930г. я узнал от Угланова, что Смирнов вошел в состав союзного центра организации и что он возглавляет группу правых по линии НКЗ" (стр.1).

След., оказывается, что во "всесоюзный центр" входил и Смирнов. В более ранних показаниях (от 19.ХП.36) Котов говорит:

"Угланов мне рассказал, что в центр организации вошли Бухарин, Рыков, Томский, Шмидт, Угаров и он, Угланов" (стр.3 протокола).

Сам Угланов показывает:

69 "Во главе существовавшей до последнего времени (мой курсив. Н.Б.) организации правых стоял всесоюзный центр. В состав центра входили: Бухарин Н.И., Рыков А.И., Томский М.П., Шмидт В.В. и я - Угланов".

Наконец, есть еще одно любопытное показание "чистосердечного" Зайцева о "сверхцентре", о коем он якобы узнал от меня (!!):

"В связи с осенним провалом Зиновьева и Каменева, я заинтересовался у Бухарина вопросом о судьбе заключенного летом (или осенью) блока с зиновьевцами. Бухарин отвечал, что блок продолжает существовать, что с Зиновьевым и Каменевым (находившимися в ссылке) удалось установить связь, что с осени 1932г. блок заключен также и с Троцким через Смирнова И.Н. - "примерно на тех же основаниях, что и с Зиновьевым и Каменевым" и что уже существует единый террористический центр, который должен кувязывать деятельность отдельных центров (центра правых, центра зиновьевцев и троцкистов с леваками" (стр.14 протокола от 24-27.ХП).

О том, что правая оппозиция в 28 - нач.30 г.г. возглавлялась Бух., Рык. и Томским было общеизвестно: об этом писали

все газеты, этот факт был фактом никем не оспаривавшимся.

Но лжесвидетели суть лжесвидетели. Козелев "вводит" Сырцова. Но он вводит Сырцова с целью: а именно с целью доказать наличие блока. Он, как и Угланов, вводит В. Шмидта, хотя тот всегда держался в стороне. Котов вводит Смирнова (А.П.) и Угарова и т.д. Эта разноголосица крайне показательна. Определение состава "центра" диктуется авторам их мнениями о "полезной цели" и они поступают соответствующим образом. Но так как они противоречат друг другу, то, значит, они почти все лгут (они, ведь, не говорят, что могут ошибиться, что говорят приблизительно и т.д.; нет, они твердо и уверенно называют фамилии и противоречат друг другу).

Следует отметить и их подлую ложь о времени существования "тройки" (по ихнему, не тройки, а более широкой организации).

Угланов (см. выше) нарочито подчеркивает, что "центр" существовал до последнего времени.

Я заявляю, что Угланов меня не видел с 1932 года, то-есть почти 5 лет. Как он смеет утверждать, что я входил в какой-то центр - да еще вместе с ним - "до последнего времени"? Это наглая клевета, которая подло приспособляется к уже пущенным в ход обвинениям.

(В присланном мне лишь 19.П.37 протоколе допроса Кашина говорится:

"Из целого ряда моих бесед с Томским на протяжении 1934-1936 г.г. мне известно, что руководство всей подпольной террористической организации правых возглавляли: Томский, Сырцов и Угланов" (стр.4).

Это - совершенно новая трактовка вопроса, которая все ставит на совершенно иные рельсы. Она находится, однако, в противоречии со всеми другими показаниями: в частности, она совершенно опровергает утверждение Котова о том, что террором "заведывал" т.А.И.Рыков. Я, многожды оклеветанный, не имею оснований верить в правдивость Кашина и в его обвинения против Томского, но констатирую, что эта версия стоит в противоречии с центральным обвинением против Рыкова, выдвигаемым Котовым).

Но всего возмутительнее зайцевский сверхцентр, да еще террористический, о котором никто, кроме Зайцева, не заикался.

Здесь, как на ладони, видна механика показаний клеветников. Допрос с Зайцева снят 24-27.XII.36. Это было время, когда троцкистские клеветники нанирали на центральную близость с б.правыми: именно с этой клеветы началось дело на 1-ом процессе. Эти клеветнические положения создавали и соответствующий спрос. Зайцев здесь старался дать максимум и дал "об"единенный террористический центр".

Но, увы! За это время положение несколько изменилось. Радек лгал по-другому. Радек подчеркивал, что речь шла только о контакте, что я, Бухарин, ему говорил: "врозь итти, вместе бить" и т.д. Все это - тоже гнусная ложь, ибо я вообще ни о чем подобном с этой змеей не говорил, но эта ложь находится в вопиющем противоречии с ложью Зайцева. На суде и Сокольников, как я говорил и доказал уже выше, снял свое показание, данное им на очной ставке со мной и стал равняться по Радеку. А показание Зайцева было приноровлено к другой конъюнктуре, к другим требованиям, к другому спросу, и поэтому оно теперь висит, как всем видимая, явная, никакими побрякушками не прикрытая отвратительная ложь.

Так же, как с конференцией, где Зайцев перенес меня за тысячи километров в Москву и явно для всех налгал, так и здесь его преступно-позорная клевета выступила наружу во всей своей бесстыдной наготе.

Клеветники не могли спеться и в определении функций членов воображаемого центра: так Радек утверждал, что террор - у меня, а у Рыкова - вредительство. Котор же утверждает, что весь террор сосредоточен у Рыкова (протоколы допр. Куликова от 30 нбр. 36г.). Это, как будто, мелочь. А на самом деле далеко не мелочь: с одной стороны - якобы мой "интеллектуальный друг", с другой - правая рука Угланова. Как же это они утверждают самые различные вещи о "разделении труда" внутри "центра"? Это потому, что не могли спеться относительно такой "подробности" на основе общей кроваво-грязной клеветы о терроре и вредительстве. Хочется плюнуть в глаза этим бессовестным негодяям.

Клевета о терроре.

Я не буду говорить о всей силе негодования и возмущения по поводу самого факта пред"явления ко мне возмутительных обвинений. Я постараюсь и здесь остановиться на некоторых примерах противоречий, которые приоткрывают двери в лабораторию клеветы и обмана.

Вот что показывает Зайцев (протокол от 24-27-ХП-36г., стр. 2 и 3).

Угланов, рассказав о своей встрече с троцкистом И.Н.Смирновым - показывает Зайцев - "сообщил нам, что в конце 1931г. центр правых по его, Угланова, докладу также принял решение о переходе к террору, как методу борьбы против сталинского руководства".

А вот что показывает Куликов по поводу встречи со мной в 1932г. весной (об этой встрече было выше, на основании очной ставки):

"Я в резкой форме заявил Бухарину, что "на нас, т.е. на меня, Угланова, Котова, как членов моск.центра, нажимают участники организации, которые требуют перехода к решительным действиям по отношению к руководству ВКП(б)", я сказал Бухарину, что "вы, т.е. союзный центр, с такими решениями не считаетесь и почему-то медлите".

Потом на мой вопрос о кадрах, Куликов назвал мне фамилии Матвеева, Котова, Невского и т.д. В ответ на это я, якобы, дал террорист. директиву против Сталина. (см. стр. 2 прот.).

"Таким образом - заключает Куликов - Бухарин лично мне подтвердил директиву союзного центра, ранее мною полученную через Угланова о необходимости перехода к наиболее решительным средствам в борьбе с руководством ВКП(б), о необходимости убийства Сталина" (там же).

В этом куске куликовских показаний заложено несколько моментов, раскрывающих позорную их лживость и клеветнический их характер.

На очной ставке Куликов рассказывал, что я ему якобы дал директиву об убийстве тов. Д.Кагановича, при чем он, Куликов, распространялся и о том, что тов. Каганович - бывший сапожник, и что он его хорошо знал, и что т. Каганович был особенно ненавистен правым и т.д. А здесь, на допросе, Е. Куликов утверждает, что я ему передал директиву об убийстве Сталина. Речь идет об одном и том же разговоре, об одной и той же директиве. Так как же это возможно? Может быть, Куликов "забыл"?

69

Но, во-первых, такие вещи не забываются. Во-вторых, что еще более знаменательно, допрос Куликова происходил 6 декабря, а очная ставка - 7 декабря, то-есть, всего на всего одним единственным днем позже. Так что же, за один день у Куликова так отшибло память? А с какой самоуверенностью Куликов говорил, точно об аксиомах! Даже возмущался, что я не признаю его клеветы.

О чем это все говорит?

Это говорит за то, что обе версии в равной мере выдуманы. Куликов в один день сочинил одну кровавую клевету, а в другой день - другую. Что из того? Лгать, так лгать! Это - прямо вопиющее дело. Оно раскрывает подлейшую механику клеветы. За это нужно было бы карать, ибо такие вещи суть прямо государственная опасность.

Но вопрос имеет и другую сторону.

Куликов жалуется, что на него, Котова и Угланова нажимают, а "всесоюзный центр" (смешные слова, придуманные по аналогии, и никогда в действительности ни в одном разговоре даже во времена действительного существования "тройки" не употреблявшиеся) медлит и молчит. Позвольте, но, ведь, Угланов, по его собственным словам, член всесоюзного центра! Но ведь, Угланов, по показаниям Зайцева, еще в 1931г. сам якобы, провел директиву о терроре через "всесоюзный центр"? Как же это Угланов жалуется, что "союзный центр - не считается с настроениями"?!

Нескладное вранье глядит здесь через все четыре окна.

Выше, в начале всей части о правых клеветниках, я уже останавливался на других сторонах куликовских высказываний. Здесь к ряду абсурдов присоединяются еще новые и новые, и ложь обнаруживается, как ложь.

Теперь несколько слов о хронологии.

Мы видели, что:

Зайцев, со слов Угланова, утверждает, что он, Угланов, провел директиву о терроре в конце 1931 года через "всесоюзный центр".

Куликов утверждает, что он весной 1932 года получил от меня подтверждение о якобы террористической позиции "центра."

Яковлев (протокол допр. от 16-Х1.36г.) сообщает, что "на путь подготовки и совершения террор. актов... наша организация правых стала в 1932г." (стр.3).

Котов (протокол допроса от 19.ХП.36, стр.4,5) показывает, что Угланов получил директиву о терроре "в конце 1932 года" "от центра организации в лице Бух., Рык., Томского; что "центр организации вынес по этому поводу специальное решение" (5).

Пожалуй, довольно.

По Угланову, директиву он провел сам, после своего соглашения с И.Н.Смирновым. По Котову, эту директиву ему дали. По Угланову, это было в 1931 году. По Котову, это было в 1932г. По Котову и Яковлеву, это было в конце 1932г. А Куликов получил весной 1932г. подтверждение уже бывшего якобы решения. И т.д.

Разве можно не видеть, что, когда перед нами такие противоречия в показаниях, то это означает подлинную гнилость самих этих показаний?

Не знаю, что кто решал, может Углановы и К^о что либо решали, но я здесь абсолютно не при чем, и, мне кажется, довольно убедительно доказываю лживость направленных против меня обвинений.

(В полученном мною только 19.П протоколе допроса Д.Матвеева дается такая картина:

"Осенью 1932 года... Угланов сделал большую информацию о положении дел в организации. Он говорил, что начался окончательный разгром правых, что в создавшейся обстановке старые методы борьбы против партии уже не годятся, и что необходимо перейти к более активным методам борьбы...

Помню, что Куликов (!!) и еще кто-то спросил Угланова, является ли это лично его точкой зрения или это исходит от "тройки" (Бух., Рыков, Томский), Угланов ответил: "Кому надо, тот знает", это дословное выражение Угланова".

Здесь в высшей степени интересно, что Куликов осенью спрашивает Угланова о террорист. директивах и о моем мнении, а про весну Куликов показывает, что ему эти якобы директивы были известны, в том числе и от меня. Таким образом осеннее совещание у Угланова раскрывает весеннюю ложь Куликова).

Лжесвидетели делают из меня прямо таки разносчика террористических директив. Я их раздаю, по словам клеветников, направо и налево, оптом и в розницу.

"Инициатором идеи дворцового переворота был лично Н.И. Бухерин", - заявляет Е.Цетлин, относя оную идею к 1930 году. протоколы, присл. из ЦК ВКП(б), стр.12).

Петровский (в октябре или ноябре 1929г.), "вернувшись из Москвы связывал установку на "дворцовый переворот" прямо с именем Рыкова, называя его автором этой установки и главным (предполагаемым) исполнителем "дворцового переворота" - сообщает Зайцев от 11-19.1.37г.. Этот дворцовый переворот, по Цетлину, должен был привести-.... к захвату власти слепковцами!!! Так и пишется:

"Пост секретаря ЦК займет Томский, остальные руководящие места в аппарате ЦК займут Слепков и участники его группы"! (протоколы, стр.13).

Весь этот дикий и противоречивый вздор с различными аксесуарами и подробностями, взятыми из совсем других разговоров, с серьезным видом преподносится серьезным людям! Введение воинской части, - взятие власти изнутри Кремля, мобилизация 200 "правых", которые ворвутся - и тому подобная галиматья имеется в показаниях различных клеветников. При этом интересно то, что, напр., Кузьмин делает несколько раз в разных местах одни и те же истерические террористические выкрики (по Астрову, прот.стр.13, это произошло якобы на кв.Марецкого, и даже в моем присутствии в 31г.; по Розиту и Сапожникову на квартире у Розита, без меня - в 1929г.; по тому же Астрову - на даче у Слепкова в 1930г.), и; в то же время подчеркнутыми формулами он изображается, как один из ближайших к Бух-у людей. Эта маленькая клеветническая подробность нужна маленьким и низким людям для большей убедительности их лганья. Я уже отмечал, что ни Кузьмин (который отказывался подавать мне руку и обретался далеко от Москвы), ни Сапожников, который был об"ектом всяческих насмешек и которого никто не брал всерьез никогда - вовсе не были мне близки, даже в период моих тесных отношений с этой группой молодежи. Показания Сапожникова относительно того, что он при каком-то Трепалове говорил о терроре, и что он мне об этом сообщал, приехав

ко мне на квартиру в Кремль, является вымыслом: я от него ничего подобного не слышал, и это может подтвердить Надежда Мих., на присутствие которой он обильно ссылается. О самом Трепалове, вопреки Сапожникову, я до сих пор не имею ни малейшего представления и никогда не слышал ни о нем вообще, ни о его правооппозиционной роли — в частности. Характерно, однако, что, вопреки своим прежним показаниям, Сапожников здесь уже прямо переходит к лжесвидетельству на тему, что я давал ему тоже террористические директивы...

В клеветах о терроре и "Дворц.перевороте" характерно также то, что здесь вполне отсутствуют технические подробности: неизвестно, как же, какими средствами и т.д. должны были быть произведены акты; если готовился дворцовый переворот, то неизвестно, какие войсковые части, какие люди и с кем были связаны; кто готовил выступления; почему дело провалилось; какие были силы; где было оружие; кто должен был командовать и т.д. Это указывает на литературно-клеветнический характер показаний.

Петровский, по словам Зайцева, относит дворцовый переворот к 1929г. и связывает его с именем Рыкова.

А Радин (протокол, стр.11), б.секретарь Рыкова, утверждает, что как раз в это время ("начиная с осени 1929г.") началось двурушничество для накопления сил (стр.12), что я, мол, говорил: "Надо вработываться в режим", а Рыков: "само время работает на нас" (стр.11). Так как же это совместить? Все буквально люди слепковского кружка производятся в террористы, начиная с давних времен. Все в течение многих лет занимаются террором. Но странным образом у них не находят ни одного револьвера, ни какого бы то ни было другого оружия, никаких технических приготовлений. И все время: директивы центра правых, директивы Бухарина и т.д.

Возмутительная бездарная стряпня!! Я не имею сейчас времени опровергать каждую конкретную ложь в отдельности (я бы это сделал, если бы получил материалы хоть скольконибудь своевременно) и ограничиваюсь суммарным протестом против этой возмутительно-подлой клеветы: никогда никому никаких террористических директив ни в какой период своей жизни я не давал

и давать не мог. Все утверждения противоположного характера суть грязная ложь клеветников и их помощников и покровителей. Никогда за все время действительного существования "тройки" у нас не было ни намека на террористические установки.

До чего доходит прямая глупость лганья, видно хотя бы на показаниях Вас. Слепкова, который, напр. (см. протоколы, стр. 17) рассказывает, что некий Медведев, первый раз меня в жизни увидавший, немедленно получает от меня террористическую директиву против Сталина.

Удивительно только, как вообще мог уцелеть вообще хоть один человек, начиная с меня!! Это уже тип лжи наивной, неопытной, но глупой и в то же время преступной. Нет, это не Радеки, еще не мастера своего дела, а только ученики!

Или, напр., другой факт: Котов, напр., сообщает, что Цетлин ненавидел Сталина в 1931-32 г.г., и даже, что он, Цетлин, готовил "по прямой директиве Бухарина (sic!) убийство Сталина" (протоколы от 5.П.37).

После подлостей Цетлина у меня не может быть к нему никаких сантиментов. Но здесь все налгано: Цетлин один из первых понял значение Сталина. Однако, это — лишь голословное утверждение. А вот что интересно: во-первых, Цетлин сам об этом ничего не показывает; во-вторых, зачем ему нужно было от меня отцепляться (еще до своего первого ареста он от меня все время хотел уйти, а после — разругался и уехал, порвав со мной окончательно). К чему бы все это, если он действительно бы занимался приписываемой ему Котовым деятельностью? Разве сам факт ухода Цетлина по его желанию не говорит за себя? Единственный человек, который остался при мне из б.правых и мог быть (если исходить из предположений о контррев.центре, его работе и т.д.) человеком связи, уходит и уезжает на Урал? Не для того ли, чтобы там выполнять якобы данную мною директиву (по Котову) о терр.акте против Сталина? Какой махровый вздор!

И таких вопросов можно было бы задать множество.

По недостатку времени не могу останавливаться на мизерабельной и жалкой клевете о вредительстве и на жалких поту-

гах наскрести здесь какие-то факты якобы касающиеся меня. Во всяком случае я к вредительству имею ровно такое же отношение, как любой из членов ЦК.

Люди и годы:

Вот список "школы", составленный Цетлиным:

А.Слепков (арест. в 1932 г.);
 Д.Марецкий (" " ");
 Астров (" " " ,потом выпущен,потом опять арестов.);
 Зайцев (" " " или в 1933г.);
 Сапожников (" " " " ");
 Краваль - занимает отв.пост;
 Розит - нач.Чирчикстроя (Ташкент) (теперь арест.);
 Александров (арест. в 1932 г. или в 1933 г.)
 Айхенвальд (" " ");
 Гусев " (занимает/отв.пост, отошел раньше);
 Кармалитов (" " ");
 Гольденберг - (нач.одного из строителств)
 (теперь арест(?);
 Борилин - заним.отв.пост (отошел раньше);
 Мендельсон - " " " (" ");
 Беленко и Шибанов (Ленинград, не знаю)

Добавл.:

Стецкий	-	заним.отв.пост	{	отошли раньше.
В.Межлаук	-	" " "		
К.Розенталь	-	" " "		

Итак, нужно констатировать, что в конце 1932 года, примерно, подавляющее большинство б. "школки" было арестовано. Осенью, в мое отсутствие, они ориентировались, вопреки обещаниям Слепкова, на линию против партии и без всякого моего ведома и без всякой связи со мной - пошли по контр.рев.пути, вероятно, не без влияния Угланова, а, может быть, и Невского и К^О, и даже Рютина (сужу на основе критического анализа показаний).

Отсюда вытекает, что при всем ко мне недоверии (пусть оно будет даже абсолютным) нельзя отрицать, что у меня с конца 1932 - начала 1933 года не осталось "возможных людей", даже,

если бы я стоял на антипартийной точке зрения. Но это последнее предположение ложно. Я сам работал и в НКТП, и в "Известиях" целиком и полностью (и с радостью, несмотря на тысячи неприятностей и подвохов, отравлявших жизнь) на основе партийности и защиты партийной линии. Я старался ни с кем из своих бывших единомышленников не видеться. Я вместо Цетлина взял испытанного и замечательного молодого партийца тов. Ляндреса, никогда ни в каких уклонах не бывавшего, человека с военным опытом и чекистскими связями; я предпринимал все возможное, чтоб не входить в соприкосновение с б. правыми.

О Рыкове и Томском я писал. Угланова я не видал с лета 1932г., Куликова - с весны 1932г. И т.д.

Поэтому для лиц, заинтересованных в моей компрометации и в моей гибели нужно было изобрести какие либо якобы факты, которые могли бы сойти за факты моих правых (да еще террористических - по теперешним временам) связей - за самое последнее время.

Это делается в показаниях Грольмана, Розита, Котова,

Я останавлиюсь на каждом из этих возмутительных показаний, любое из которых есть верх пресмыкающейся низости.

Грольман. Сперва факты. Я в 1935 году был с женой на Алтае. Так как она должна была сдать дипломную работу с Кузбассе (его металлургии: работа была сделана, в этом году кончена, пред'явлена и зачтена, как дипломная работа), то мы решили осмотреть завод, благо у меня были хорошие отношения с ак. И. П. Бардиным, техническим его директором. Благодаря любезности сиб. товарищей нам дали вагон, в котором мы и жили.

Так вот Грольман, бывший в Сталинске, когда я туда приезжал, поговорив в показаниях о том, что Угланов в свое время давал якобы террористические директивы (Угланов их давал якобы и от моего имени, чего я ему отнюдь не поручал, ибо никогда с ним на эти темы не говорил и говорить не мог), заявляет:

"В Сталинск Бухарин приехал в отдельном вагоне и в сопровождении нескольких других лиц. Я имел с ним встречу в его вагоне. Хотя обстановка и не позволяла нам вести откровенные разговоры (ввиду нахождения в вагоне посторонних лиц), однако, нам все же удалось поговорить наедине по вопросам, касающимся борьбы

правых против ВКП(б). Именно во время этого разговора Бухарин совершенно недвусмысленно дал мне понять, что в борьбе с ЦК ВКП(б) правые должны идти на организацию индивидуальных террористических актов" и т.д. (Далее речь, конечно, о Сталине и т.д.).

Не знаю, на каких дураков рассчитывает Грольман. Нельзя было вести, видите ли откровенные разговоры, но разговоры о терроре вести было можно "наедине"? Где это "наедине"? Мы стояли у окна и сидели за столом при всех. В особенности забавно выглядит эта ложь, если я скажу, что "посторонние", это были, между прочим, чекисты, которые все время ездили со мной и по Алтаю, и по Сибири, затем была жена и др. Так вот, при чекистах Грольман ведет со мной разговор о терроре против Сталина. Ну, и перестарался Грольман на базе своей новой профессии гнусного клеветника! Далее. Ему, конечно, надо было выдумать и реставраторство. Я говорил ему, как Садуль на одном дипломатическом приеме познакомил меня с Лавалем, и какой Лаваль жулик. И Грольман тут же превращает меня в апологета парламентаризма, да еще приписывает мне разговор с Эррио, которого я никогда в жизни не видел.

Грольман утверждает, что в конце 1935г. меня видел Гольденберг, и что я был напуган. Не знаю таких фактов. Гольденберга я видел на том же заводе, что и Грольмана, но при всем честном народе, а больше я его не видал.

Выходит, как будто, что лганье Грольмана вышло не особенно удачным. Не могу пройти мимо того, что в своем усердии Грольман называет контр-революционной мою работу даже во время У1 конгресса, говорит о дыхании терроризма в 28г. и т.д., хотя известно, что во время У1 конгресса, как раз меня чуть не убил стороживший меня агент польской дефензивы: он вместо меня убил некоего тов. Шапошникова. Весьма недопустимо клеймение контр-революционерами таких товарищей, как Эверт, который сейчас мученически страдает в Бразилии и которого горячо поддерживает вся честная печать, во главе с коммунистической и т.д. Но это — особая тема, и приходится только сожалеть, что в протоколах НКВД, благодаря неосведомленности, фигурируют с такими клеймами такие имена, как имя Эверта.

Функцию Грольмана выполняет, со своей стороны, и Розит. Оказывается, я пытался все время свернуть Розита (за самое последнее время) с партийных позиций. Между тем, я искренне радовался успехам Чирчикстроя, радовался, что дело идет (не сам был инициатором поездки, а ташкентские товарищи, и ездил не один, а с Линдресом, беседовал с Розитом в присутствии Цехера и Файзуллы; по просьбе Розита, да и по собственной воле, написал письмо т.т. Серго и Сталину о нуждах Чирчика - его читал и т.Цехер) - словом не только не пытался свернуть Розита с партийного пути, а хотел ему помочь, чем могу. Выражение о терроризме: "Борьбу нужно продолжать до конца, даже если Сталин меня осудит как террориста"(!) - которое мне вкладывает в уста этот клеветник (относя это к началу 1933г.) есть гнусная выдумка злодейского порядка. Последний раз я виделся с Розитом в Ташкенте и на Чирчике, по дороге на Памир.

Наконец, в каком-то из показаний (кажется, Котова), мелькает имя Матвеева, который в последние годы якобы получил от меня тоже специфическую директиву. Матвеева я, действительно, секунду одну видел. Он приходил с какой-то делегацией - в "Известия", был в костюме с светлыми пуговицами, сказал: "Не узнаете? А я теперь инженер". Я с ним поздоровался при большом количестве народа и тотчас вышел из этой комнаты по каким-то делам. Думаю, что можно было бы, при большой, впрочем, затрате труда, полностью восстановить эту картину.

На протяжении весьма короткого времени, к великому моему удивлению, после гигантского перерыва во времени, ко мне в редакцию звонили: Астров (который кроме того, заходил, но меня не застал), Семенов, Гольденберг, кто-то от Котова. Я уклонился от всех этих приемов и разговоров. Не сомневаюсь теперь, что поступи я иначе, и в 1936 году я многожды оказался бы раздатчиком террористических и вредительских директив. Спрос рождает предложение, и я бы подвергся, выражаясь философски, финальной, конечной, клевете, которая бы покрыла своим чудовищным куполом все здание всех предыдущих клевет, превзойдя все своей "актуальностью" и "законченностью".

Итак, даже, если верить клеветникам последней марки, у меня после 32 года остались кадрами Грольман и Розит. Какая, в сущности, громадная растрата сил на опровержение жалких негодяев!

95

В 1933г., когда раскрылась история со слепковской конференцией я решительно отмежевался от всех этих людей; за их деятельность, которую они развивали помимо меня и за моей спиной, я ответственности не несу и ее не знаю. Я вместе со всеми осуждаю самым суровым образом все антипартийные группы и стою за суровую расправу со всеми действительными врагами нашей страны.

З а к л ю ч е н и е.

Какова общая диспозиция клеветнических сил?

Вредительскую атаку начали троцкистско-зиновьевские бандиты. Мотивы их теперь уже известны (о них было выше). Содержание их клеветы имело своей осью наитеснейшую связанность "правых" с их центром, или их центрами. Именно сюда, были направлены усилия этих клеветников.

После ликвидации первого их центра "главной фигурой" против меня выступил на первом этапе Сокольников.

Что хотел доказать Сокольников? Вернее, в чем была суть его клеветы?

Он стремился наговорить максимум по вопросу об участии "правых" в троцкистском центре.

Он утверждал на очной ставке, что "правые" в центр входили;

Он утверждал, что персонально входил Томский;

Он утверждал, что Томский входил и как представитель Бух. и Рыкова;

Он утверждал, что "правые" согласны со всеми троцкистскими установками, организационно входят в центр и, следовательно, в блок.

На основе очной ставки с Сокольниковым были сделаны некоторые заключения.

Но потом началась клеветническая бешеная атака со стороны Радека и "главной фигурой" (Пятаков по середине) против меня стал Радек.

Радек занял другую позицию в показаниях, не успев спеться с Сокольниковым и, крайне расширяя тематику клеветы, в то

79

же время поставил в нелепое положение Сокольников.

Поэтому Сокольников на суде занял позицию совсем другую, чем во время очной ставки, выравнивая фронт клеветы по линии радековских показаний (противоречия и нелепости все время указывались мной в соответствующих письмах и заявлениях).

Но если первоначальная концепция троцкистской клеветы потерпела крупнейшее поражение, то была выдвинута вторая, с переносом центра тяжести на "самостоятельную" организацию "правых". Так в этой плоскости образовалась большая группа правых подпевал троцкистских клеветников.

84/ Я в данном письме даю критический разбор всех основных клевет троцкистов и их правых подпевал. На примере особенно Цетлина, Зайцева и др. я показываю, насколько жалки приемы, фальшивы аргументы, низка клевета и с этой стороны. К чему ни прикоснись, все кровавая, плохо сделанная клевета.

Я стою против нее один: у меня нет ни достаточного материала, ни аппарата, ни помощников. Но я уверен, что если бы у меня были люди и несколько месяцев времени, я бы обнаружил целый мир дикого клеветнического вранья, и не оставил бы без удовлетворительного ответа ни одного вопроса. Однако, я полагаю, что и то, что я предлагаю вниманию ЦК ВКП(б), является материалом, разбивающим самые основные клеветнические положения моих троцкистско-виновьевских и правых обвинителей. (Показаний около 400 страниц: не подробный их анализ нужны месяцы).

Итак:

1) во время реального, а не мифического существования "тройки" никогда не было каких бы то ни было мыслей о терроре, вредительстве и т.д.;

2) после ее самоликвидации до 1932 г. был процесс изживания старых ошибок, были элементы двойственности (групповщина), но вся динамика направлялась у меня (и я думал, у других) в сторону полного слияния с партией;

3) в конце лета 1932 г. (когда я был в отъезде) произошла конференция слепковцев, аресты рютинцев и т.д.; очевидно, слепковцы пошли здесь под влиянием Угланова и др.; я от всех них публично отрекся и осудил их поведение; с этих пор

я никаких сведений о бывших правых и о правых не имел и их деятельностью не интересовался, живя совершенно другими интересами;

4) не исключаю, что ряд элементов из прежде шедших за мной правых, продолжая борьбу, превратились в оголтелых контр-революционеров со всеми вытекающими отсюда последствиями; но это не имеет ко мне никакого отношения;

5) в частности, не исключаю, что, напр., Угланов злоупотреблял моим именем: можно видеть по показаниям, что он делает это неоднократно, и что уже давно он имел "свои счета" с руководством, "свои группы" (напр., Рютинскую, по его собственному признанию), и т.д. (о существовании рютинской группы я вообще ничего не знал);

6) категорически отвергаю всякие обвинения в блоках с троцкистами, зиновьевцами и прочими;

7) никогда никаких ориентаций на восстания, на террор, на вредительство, на "дворцовые перевороты", на блоки с с-рами и т.д. у меня не было и быть не могло. Никому никаких директив в этом духе я не давал и давать не мог, о соответствующих намерениях отдельных лиц или групп не знал и знать не мог. Все показания, противоречащие данному моему заявлению, являются ложными и клеветническими;

8) по существу я вел энергичным образом довольно значительную работу по сплочению вокруг партии и партийного руководства, не имея абсолютно никаких разногласий с линией партии и всей душой радуясь ее успехам и победам.

Слава наших органов заключается не только в том, что они разыскивают виновных, но и что они охраняют невиновного. Нет ничего зазорного в том, что кто-то подозреваемый и подозревавшийся оказывается невинным. Доказательство этого и помощь этому доказательству есть дело несколько не менее славное, чем обнаружение и наказание действительного врага.

Я довольно настрадался по милости врагов нашей страны и прошу ЦК положить конец этим незаслуженным страданиям.

В е р н о: *Лидин*